

© 2002 г.

КЕРЧЕНСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ

Формирование коллекции Керченского музея древностей связано со становлением классической археологии на юге России. Присоединение Крыма к России в 1783 г. вызвало неподдельный интерес к Керчи, истории и древностям этих земель, о которых просвещенные умы России знали лишь по сообщениям античных авторов. Впервые в конце XVIII – начале XIX в. акад. П.С. Паллас подробно описывает стены и башни, крепость в Керчи, остатки Пантикапея (барельефы с надписями и изображениями туловищ львов, саркофаги, колонны), развалины на горе Опук, указывает место, где предположительно находились Мирмекий, Порфмий, Парфений (Узун-Клеечи на мысе Фонарь), Нимфей (между Павловской батареей и мысом Камыш-Бурун) и др.

П. Сумароков, совершивший несколько поездок в Крым, первым высказал идею о расположении древнего Пантикапея на месте современной Керчи: «Великое пространство ее пустырей, древность церкви (греческой), множество мрамора, сооружение возвышения подадут нам живые уверения о существовании тут знаменитого града. К чему споры? В каком другом месте по Боспору мы встретим надежнее их свидетельства? Итак, не усомнимся породу бедной Керчи от величавой Пантикапеи»¹. А М. Кларк пишет следующее: «Ни в каком другом месте Крыма путешественник не встретит, вероятно, такого количества древностей, как в Керчи. Крестьяне продают за несколько копеек древние медали этих краев. Стены города покрыты мраморными плитами, целыми и разбитыми, с барельефами и надписями, оставленными без внимания или разрушенными. Эти мраморные плиты используют для ступеней перед дверьми домов или, как в Еникале, они используются для строительства вперемежку с самыми грубыми материалами. Некоторые жители украсили свои двери греческими барельефами, понятия не имея об их действительной ценности и не обращая ни малейшего внимания на расположения фигур. Эти плиты устанавливаются во всех направлениях»².

По сообщению П. Дюбрюкса³, два больших кургана, воздвигнутые на вершине горы у дер. Катерли, в 1808 г. привлекли внимание французского консула в Синопе г-на Журкада, который несколько раз ездил туда во время своих поездок по Крыму. Он выяснил, что возле одного из курганов есть отверстие. Позднее рабочие П. Дюбрюкса открыли на глубине сажени свод и внутри обломки ваз, человеческие кости и надгробный камень с именем Метродора, сына Артемидора (КБН, 747). Мысль целенаправленно исследовать памятники древностей в Керчи впервые пришла графу П.П. Румянцеву, по поручению которого П. Дюбрюкс начал раскопки и доставил графу немало «достопамятностей». В 1818 г. во время посещения Керчи Александр I «...осматривал вырытые в гробницах г. Брюксом разные этрусские вазы, кольца и языческие божества, из коих всего более понравилась государю бронзовая голова Дианы прекрасной работы, свидетельствующая, что она сделана была в самое цветущее время

¹ Сумароков П. Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1805.

² Clarke M.E.-D. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. Т. 2. Р., 1812. Р. 25.

³ Поль Селестен Огюстен Дюбрюкс (1770–1835) родился в г. Жамуань в герцогстве Люксембург, тогда австрийском владении. Дворянин по происхождению и роялист по воспитанию, он враждебно встретил революцию во Франции и уехал в Россию. С 1809 г. жил в Еникале, а затем в Керчи. В 1816 г. он приступил к археологическим раскопкам, вкладывая в них свои скудные средства, в 1817 г. был назначен смотрителем керченских соляных озер, но раскопки не прекратил. Ему было присвоено звание члена-корреспондента Императорской Академии художеств.

для художеств. Его Величество подарил оную принцу Гессен-Гомбургскому. П. Дюбрюкс преподнес ему в дар свою коллекцию древностей. По дороге в Феодосию государь осматривал гробницы, открытые г. Брюксом, и по моему наставлению пожаловал ему брильянтовый перстень»⁴.

Одним из самых значительных открытий стала находка в январе 1821 г. капитаном 1-го ранга транспортной флотилии Николаем Юрьевичем Патиниоти драгоценностей в кургане со склепом⁵, которые впоследствии были изданы И.П. Бларамбергом⁶. С целью описания памятников старины, «коих сохранение должно быть поручено губернаторам и местному начальству в Крыму»⁷, в Крым был командирован акад. Г. Кёлер⁸. По его докладам в 1805 г. было принято высочайшее распоряжение «Об ограждении от разрушения древностей Тавриды», запрещающее вывоз памятников древности за границу. В нем говорилось, что если где-нибудь на обоих полуостровах (Керченском и Таманском) будут производиться раскопки, которые доставляли бы древности по истории этих земель, то следовало уведомить Академию о найденных вещах и о месте, где они вырыты. В числе основных памятников были и керченские. На реставрацию древностей Крыма в 1822 г. впервые была выделена значительная по тем временам сумма – 10 тысяч рублей, которая была внесена графом М.С. Воронцовым в канцелярию коммерческого банка для приращения процентов и употребления по мере надобности. Этой суммой довольствовались 10 лет, и впоследствии на них были устроены два музея – в Керчи и в Одессе, куплены монеты, надписи, проводились раскопки.

После назначения М.С. Воронцова в мае 1823 г. генерал-губернатором Новороссийского края и полномочным наместником Бессарабской области, И.А. Стемпковский⁹ представил на его рассмотрение проект о сохранении памятников. Здесь впервые были названы задачи, ставшие программой классической археологии Северного Причерноморья: составление свода известных древних авторов по истории и географии Причерноморья, корпусов эпиграфических, нумизматических и археологических источников, фиксация всех без исключения памятников, проведение научных раскопок, консервация, реставрация и принятие мер к охране древних памятников, составление планов и чертежей, картографирование археологических остатков. Важнейшей целью И.А. Стемпковский считал создание научного общества и археологических музеев на юге России¹⁰.

На рассмотрение графа поступила и другая записка о необходимости открытия музея, составленная попечителем керченской торговли с абазинцами и черкесами Рафаисом Скасси. Для учреждения музея и проведения раскопок он предлагал организовать частную подписку добровольных пожертвований граждан. Предусматривалось и издание ежеквартального журнала с описанием и литографическим изображением предметов.

На основании этих записок и сознавая необходимость планомерных археологических исследований, в апреле 1825 г. М.С. Воронцов поднес Александру I доклад с предложением

⁴ Михайловский-Данилевский. Путешествие с императором Александром I по Южной России в 1818-м году. Воспоминания // Русская старина. 1897, июль. С. 6–7.

⁵ Письмо графа де Сана А.Н. Оленину // ЗООИД. 1889. 15. С. 78–84.

⁶ *Blaramberg I.P.* Notice sur quelques objets d'antiquités decouverts en Tauride. P., 1822.

⁷ Кёлер Г. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. 1858. 4. С. 25.

⁸ Генрих-Карл-Эрнст Кёлер (1765–1838) – археолог, директор первого отделения Эрмитажа, являлся хранителем кабинета камней и медалей, будучи ординарным академиком Академии наук.

⁹ Иван Алексеевич Стемпковский родился 14 июня 1788 г. (по старому стилю) в семье мелкопоместного дворянина Саратовской губернии. С 1808 г. состоял адъютантом у генерал-губернатора герцога Ришелье. В 1814–1815 гг. участвовал в заграничных походах русских войск, в сражениях в Германии и Франции и до 1819 г. оставался в чине полковника в составе русского корпуса М.С. Воронцова в Париже. Все свободное от службы время посвящал образованию и занимался в Академии надписей и словесности, где подружился с ее секретарем Рауль-Рошеттом, изучением древних авторов. В 1821 г. был избран членом-корреспондентом Академии надписей и изящных искусств. Автор более 30 научных трудов. См. о нем: *Ашик А.Б.* Некролог // ЗООИД. 1863. 5. С. 907–914; *Юргевич В.* Некролог // Исторический очерк 50-летия Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1889; Энциклопедический словарь Брокгауз–Ефрон. Т. 62. С. 589; *Тункина И.В.* Член-корреспондент Парижской Академии надписей И.А. Стемпковский и ученые Петербургской Академии наук // Петербургские чтения. Труды конф., посвященной 291-летию Санкт-Петербурга, 23–27 мая 1994 г. СПб., 1994; *она же.* Иван Алексеевич Стемпковский: материалы к биографии // ЭУСЭГПА. СПб., 2000. С. 357.

¹⁰ *Тункина И.В.* Первые годы деятельности Керченского музея древностей // Археология и история Боспора. Вып. III. Керчь, 1999. С. 40.

открыть музей в Керчи и Одессе. Доклад был утвержден императором, и всем градоначальникам юга России было предписано сообщить об имеющихся древних находках, предложить частным лицам пожертвовать древности в организованные музеи и всячески препятствовать грабительским раскопкам. Для открытия музея М.С. Воронцов предписывал И.П. Бларамбергу¹¹, ставшему первым директором новых музеев в Одессе и Керчи, выехать в Керчь.

В начале 1826 г. отставной поручик Тепляков нанял в г. Керчи дом для музея, официальное открытие которого состоялось 2(15) июня. Основу его составила личная коллекция П. Дюбрюкса, устроенная в его доме и представлявшая своеобразный склад фрагментов архитектурных деталей. По сути это и было первым музеем в Керчи, а сам он – первым его директором. У частных лиц собрали мраморные статуи, надгробия и другие камни с барельефами и надписями, большое количество амфор. Тогда же раскопали пять курганов у выезда из городских ворот по Феодосийской дороге. Бедность инвентаря первых могил с лихвой «окупили» находки из золота в усыпальнице пантикапейской семьи рубежа эр, сделанные в одном из курганов средней величины слева от дороги в Феодосию¹². По просьбе И.П. Бларамберга М.С. Воронцов просил керченского городского архитектора А. Дигби снять «планы и фасады» двух «подземельных сводов» в раскопанных курганах. К сожалению, эти рисунки не обнаружены, но по результатам этих раскопок И. Бларамберг написал статью¹³.

Среди первых дарителей вещей были жена генерал-майора Насакина, керченский житель Триполитов и П. Дюбрюкс. В благодарственном письме М.С. Воронцова выражается желание, чтобы жители Керчи подражали им, стараясь о пользе и выгоде города. В марте 1828 г. керчь-еникальским градоначальником был назначен И.А. Стемповский, который фактически возглавил всю археологическую деятельность в Керчи. И.П. Бларамберг, постоянно проживавший в Одессе, лишь номинально оставался директором Керченского музея, а фактически должность исполнял П. Дюбрюкс, продолжавший в этот период раскопки уже с помощью И.А. Стемповского. В 1829 г. по его просьбе П. Дюбрюкс подарил всю свою коллекцию Керченскому музею древностей.

Открытие музея оживило археологические исследования на Керченском полуострове и сбор древностей¹⁴. Если до приезда в Керчь И.А. Стемповского там хранилось лишь три надписи, то через четыре года их было уже двенадцать, а коллекция монет состояла из 200 экземпляров. «В нем хранится много золотых вещей, как-будто браслеты, серьги, кольца... и прочее, обломки статуй, между коими особенно замечательно колоссальное туловище, как думают Эскулапа, найденное под башней генуэзской крепости, статуя Геркулеса превосходной работы, найденная среди рва крепости 1817 года. Так же замечательная статуя Кибелы в сидячем положении и бюст Юноны без головы, обе превосходной работы и в натуральный рост, множество обломков других статуй, много мраморных с рельефными изображениями фигур и других архитектурных украшений, и между прочим 2/3 фронтона из голубоватого мрамора изрядной работы. Там же хранятся значительное количество колонн различной толщины,

¹¹ Иван Павлович Бларамберг (1772–1831) родился во Фландрии. В 1786 г. поступил на военную службу и через месяц был произведен в офицеры. В 1792–1795 гг. находился в Германии в плену. До 1796 г. жил во Франкфурте-на-Майне, весной 1797 г. отправился в Петербург, откуда вскоре переехал в Москву, где пробыл до 1804 г., состоя на службе у англичан. В 1804 г. переходит на русскую службу и назначается помощником редактора в десятую «Комиссию составления законов». В 1808 г. назначен прокурором коммерческого суда в г. Одессе, в 1810–1825 годах служил по таможенному ведомству, затем чиновником по особым поручениям при Новороссийском генерал-губернаторе графе М.С. Воронцове. Публиковались его статьи в «Одесском вестнике», «Одесском альманахе», различных зарубежных журналах. В 1830 г. он был избран академиком Берлинской Академии. См. *Зеленецкий. Жизнь и ученая деятельность И. Бларамберга* // ЗООИД. 1850. 2. С. 225; *Келлен П. Бларамберг Иван Павлович* // Энциклопедический лексикон. СПб., 1836.

¹² Письмо Тайного Советника Оленина к Его Сиятельству графу М.С. Воронцову, из С.-Петербурга от 12 января 1828 г. о древностях Тавриды // ЗООИД. 1858. 15. С. 67–73; *Тункина И.В. Раскопки И.П. Бларамберга в Керчи в 1826 г. // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы научн. конф. СПб., 1998. С. 96–102.*

¹³ *Blaramberg I. Description de differents objets precieux decouverts, avec d'autres antiquites, pres de Kertch, dans une terre funeraire de Panticapeens, contenant 4 tombeaux* // Библиотека Одесского общества истории и древностей (рукопись).

¹⁴ *Разгон А.М. Исторические музеи в России (с начала XVIII в. до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в России и СССР. Вып. V. М., 1963. С. 238–251.*

капители целые и в кусках, часть карнизов различной величины... Много надгробных камней с фигурами и надписями, два из них мраморные; драгоценнее всего – это надписи памятников, воздвигнутых в царствовании царей Боспора»¹⁵.

Чтобы предотвратить утрату памятников, керченский градоначальник нанял специального человека – надсмотрщика, чтобы он «безотлучно находился при разломке стен старых строений, осматривал все добываемые из оных камни и наблюдал о сбережении и обращении в музей тех, кои окажутся с изображениями, надписями и проч.».

Поворотным пунктом в развитии археологических раскопок на юге стало открытие в 1830 г. в каменоломне в 6 км юго-западнее г. Керчи богатейшего погребения в кургане Куль-Оба. Это открытие превратило Керчь в место паломничества различных «профессиональных гробокопателей». Как справедливо отмечал Ю.Ю. Марти, золото Куль-Обы ослепило всех и научные разыскания отошли на задний план. Из находок в Куль-Обе разрешили оставить в Керчи лишь два медных котла, две поврежденные чаши, обломки железного оружия и деревянных вещей. Остальные находки составили основу античной коллекции особой кладовой Императорского Эрмитажа¹⁶. Николай I распорядился выделить в Эрмитаже зал для древностей Боспора Киммерийского. Появление специального чиновника от ведомства Высочайшего Двора в Керчи Дамиана Карейши свидетельствовало о личном интересе к древностям и предметам искусства императора. К сожалению, комплекс находок из памятника, с которого начиналась античная археология в нашей стране, до сих пор остается неизданным.

В 1831 г. И.П. Бларамберг уходит с должности директора, и Керченский музей поступает под руководство керчь-еникальского градоначальника. В том же 1831 г. граф М.С. Воронцов вносит предложение, чтобы ценности, найденные в Керчи, отправляли в Петербург, а взамен в Керчь высылали сумму, равноценную ценности металла, а с находок для музея делали копии. Но министр императорского Двора на это предложение ответил отказом, мотивируя тем, что земли принадлежат казне, и все найденное в ней должно принадлежать ей.

Одесский градоначальник А.И. Левшин, посетивший Керчь, в письме к А.Н. Оленину просит правительство сделать небольшое пожертвование (в течение 10 лет по 2 тысячи рублей ассигнациями) для археологических изысканий. «Будучи весьма коротко знаком с г. Стемповским (sic), нынешним керченским градоначальником, известным не только в России, но и во всей Европе по своим археологическим трудам, я почти утвердительно могу сказать, что он примет на себя, с охотою, распоряжаться сими розысканиями: следовательно, и не будет нужно посылать для сего в Керчь особых чиновников. Одно только затруднение может встретиться в рисовании тех остатков древностей, которые, по величине своей, не могут быть удобно пересланы: ибо рисовальщиков в Крыму совсем нет. Впрочем, когда будет найдено значительное количество предметов такого рода, то Ваше Высокопревосходительство, может быть, найдете возможность послать отсюда для срисования оных одного из художников, при академии находящихся. Отправление такого художника в Новороссийский край и без того было бы полезно: ибо в музеях Одесском, Керченском, Николаевском и даже в малом собрании, хранящимся в Феодосии, есть уже многие остатки древности, достойные быть срисованными и даже гравированными для сведения всех европейских археологов»¹⁷.

Говоря об истории исследования Боспора Киммерийского, необходимо отдать должное П. Дюбрюксу. Устремленный энтузиаст и неутомимый исследователь по праву должен считаться первым археологом Боспора Киммерийского и основателем Керченского музея. Именно его коллекция легла в основу музейного собрания, именно его полевые исследования¹⁸ стали базой всех последующих археологических раскопок. Он выработал собственную методику исследования курганов – раскопок насыпи «на снос» до материка. Главная его заслуга – это фиксация строительных остатков античного времени.

¹⁵ Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Олук включительно, при Черном море // ЗООИД. 1858. 4. С. 3–84.

¹⁶ Оленин А.Н. Керченские греко-скифские древности, или краткий разбор вещей, найденных в 1830 г. в древней гробнице близ Керчи // РА ИМК РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10.

¹⁷ ЗООИД. 1889. 15. С. 86–87.

¹⁸ Дюбрюкс П. Описание развалин... С. 3–84; Латышев В.В. Неизданная рукопись Дюбрюкса // ЗООИД. 1889. 15. С. 116–149; Тизенгаузен В.Т. // Труды VI Археологического съезда в Одессе. II. Одесса, 1888. С. 135–139.

После смерти И.П. Блаرامберга в 1831 г. и И.А. Стемпковского в 1832 г. Керченский музей некоторое время находился под присмотром П. Дюбрюкса и лишь 28 мая 1833 г. директором был утвержден А.Б. Ашик¹⁹.

В том же 1833 г. музей переехал в построенный для гауптвахты дом, где первая мебель – шкаф и стол – была сделана из древних «гробовых досточек можжевело-кипарисового дерева», найденного А.Б. Ашиком при раскопках керченских склепов. Министр внутренних дел Д.Н. Блудов, поручая М.С. Воронцову составить «устав для действий в собрании и хранения редкостей» Керченского музея, предписал, что, помимо государственного финансирования, на раскопки и развитие музея следует ежегодно отпускать из доходов Таврической губернии 3000 рублей.

Приход А.Б. Ашика на место директора Керченского музея связан с широкомасштабными археологическими исследованиями не только на Керченском полуострове, но и на Тамани, а также в Херсонесе. Но раскопки зачастую носили характер безудержной погони за дорогими античными находками, а научные цели в течение длительного времени были как бы отодвинуты на задний план. Курганы спешно раскапывали один за другим, при малейших признаках неудачи курган оставляли и переходили на другой, причем одновременно раскапывали несколько курганов. О масштабах раскопок позволяет судить рукописная «Топографическая карта окрестностей Керчи, снятая в 1835 году с обозначением древних курганов»²⁰. Все научное описание сводилось к указаниям количества вырытой земли и перечислению найденных вещей. Раскопки вели без дневников, научных отчетов руководителя раскопок не составляли. Погоня за эффектными находками, которых настоятельно требовало петербургское начальство, привела к тому, что между исследователями началась борьба.

А. Ашик и Д. Карейша нередко раскапывали одни и те же курганы, при этом бывало и так, что Карейше удавалось найти ценные вещи в недокопанных Ашиком курганах. Раскопки Ашика и Карейши обрастали разными фантастическими небывицами. Так, например, был пущен слух, будто Ашик нашел в гробнице на горе Митридат золотые кресла боспорского царя и продал их за баснословную цену за границу. Слухи дошли до столицы, и было даже организовано расследование, которое, разумеется, показало всю их вздорность. Вся эта тяжба с предельной ясностью характеризует нездоровую атмосферу, дух конкуренции и ажиотажа, который был порожден тем, что на раскопки памятников древней культуры царское правительство смотрело не как на дело научного исследования, а как на источник добывания ценностей, достойных придворного музея. Николай I требовал доставлять в Петербург лишь золотые и высокохудожественные вещи. Д. Карейша получал деньги на археологические исследования из кабинета Его Величества с указанием «стараться разрывать такие курганы, в которых можно надеяться скоро и малыми издержками найти древние вещи». И уже в 1838 г. А. Ашик писал о том, что разыскания проводятся беспорядочно и в разных местах, поэтому открытия становятся заметно беднее и практически нет ни одного кургана, который бы считался нетронутым.

В 1832 г. Д. Карейша раскопал огромный курган на гребне Митридатской гряды, имевший название Золотой (Алтын-Оба). Курган представлял собой еще в начале XIX в. грандиозный конус, облицованный камнем, который Дюбуа и Кларк сравнивали тогда с египетскими пирамидами. П. Сумароков, посетивший Керчь, писал про Золотой курган: «Он как колосс стоит посреди двух долин на гряде, установленной почти в прямую черту иными низшими его курганами, на одном из которых правильная окружность свидетельствует дела рук человеческих...»²¹.

Ко времени раскрытия склепа Карейшей почти вся его облицовка уже была расхищена. Когда Карейша проник в главный склеп через дромос, то нашел его в плохом состоянии и начисто разграбленным. Под насыпью оказалось три ограбленных склепа. Сам курган имел

¹⁹ Антон Бальтазарович Ашик (1802–1854) – выходец из обедневшей графской семьи из Дубровника (Рагуз, Югославия). В 1812 г. с отцом переселился в Одессу, где был отдан в купеческую контору. В 1817 г. поступил на службу в канцелярию херсонского военного губернатора Ланжерона. В 1822 г. состоял в комиссии, учрежденной в Керчи для производства меновой торговли с кавказскими горцами, которой руководил Р. Скасси, но в 1829 г. ее деятельность была прекращена. В 1829 г. работал на Кавказе, потом в Керчи, где благодаря И.А. Стемпковскому пристрастился к археологии. В 1839 г. был избран действительным членом Одесского общества истории и древностей. О биографии А.Б. Ашика см. *Мурзикович Н. Антон Бальтазарович Ашик // ЗООИД. 1863. 5. С. 915; Энциклопедический словарь Брокгауз–Ефрон. Т. IV. С. 554; Люценко А.Е. Ашик и Карейша // ИТУАК. 1907. 40. С. 61–79.*

²⁰ Архив Керченского музея (КМТИ – 2475). На карте нанесено 1359 курганов.

²¹ *Сумароков. Ук. соч.*

21 м в высоту и окружность около 240 м, снаружи он был облицован циклопической кладкой, состоявшей из огромных полигональных блоков известняка, остатки которой уцелели до настоящего времени. В северо-западной части кургана был обнаружен самый большой и выдающийся своей архитектурой склеп, состоявший из круглой купольной гробницы и ведущего в нее дромоса. Грандиозность кургана и его погребальных склепов дает основание полагать, что некогда в нем были богатейшие захоронения, не уступавшие, вероятно, по своей роскоши погребению в Куль-Обе. В настоящее время от кургана осталась лишь часть монументальной крелиды.

Еще более интересная и сложная купольная гробница была открыта Ашиком на окраине пос. Аджимушкой в феврале 1837 г. в Царском кургане, получившем это название «по огромности и по кладке оного». Раскопки с небольшими перерывами велись девять лет. А. Ашик писал позднее: «Хотя раскоды, употребленные на раскопки Царского кургана, не покрылись открытием сокровищ, однако труды наши вознаградились находкой гробницы, которая по величине и устройству принадлежит к самым замечательным памятникам этого рода на Керченской земле». Позднейшие открытия других подобных памятников, не только в Северном Причерноморье, показали, что равных Царскому кургану нет.

В 1834 г. на Змеином мысу в Керчи, где располагался древний Мирмекий, при установке флагштока на мысу карантинные матросы на глубине около 5 м обнаружили разрушенный большой саркофаг. Матросы сами произвели раскопки и вытащили на поверхность многочисленные куски разбитого саркофага, многие части которого, как потом выяснилось, были утрачены. Узнав о находке, А. Ашик произвел на Карантинном мысу раскопки. В центре холма, охваченного кольцом «циклопической» кладки, были обнаружены два смежных склепа, вырубленных в скале и объединенных одним общим дромосом, в который вела узкая высеченная в скале лестница. В западном небольшом склепе Ашик нашел простой мраморный саркофаг. Восточный склеп оказался пустым, и Ашик приписал этому склепу саркофаг, обнаруженный матросами. Рельефные изображения лицевой и боковой сторон изображают Ахилла на острове Скирос.

К приезду Николая I в Керчь в 1837 г. в разных концах города в поисках сногшибательных находок спешно разрывали склепы и курганы. А. Ашик на Глиннице обнаружил могилу супруги царя Рескупорида II с золотой маской начала III в. н.э. По его описанию, под костяком была почти квадратная яма, на дне которой на 1 1/2 сажени ниже горизонта земли был найден мраморный саркофаг, имевший форму параллелепипеда с треугольной крышей наподобие фронтона. Посредством блоков подняли крышу и вытащили из ямы саркофаг. Как только подняли крышу, все были ослеплены блеском золота: в гробнице лежала золотая фигура с венком на голове – эту гробницу исследователи связывают с открытием в 1841 г. богатого погребения с царской диадемой и золотыми индикациями монет Рескупорида II. На обнаруженном «серебряном блюде царицы Рескупорис» торжественно поднесли хлеб-соль государю-императору.

Археологической активности немало способствовало усиление деятельности Одесского общества истории и древностей, которое приходится на 1840 год, поскольку на основании царского указа того года обществу была учреждена ежегодная субсидия для историко-археологического изучения Новороссийского края, и был принят следующий план: 1) произвести топографическую съемку планов всех курганов в Бессарабии; 2) обратиться к керченским археологам, чтобы при раскапывании курганов они вели научные дневники земляных работ, указывая количество напластований в насыпи и точно фиксируя все находки, обнаруженные при вскрытии курганов; 3) снять подробные топографические планы Асандрова и Трояновых валов, Перекопского района и вала, а также всех «окопов» и городищ на территории Новороссийского края и Бессарабии; 4) снять планы и фасады с развалин древних городов, крепостей, укреплений, башен и т.д.

В 1848 г. Д. Карейша вышел в отставку и уехал из Керчи в Полтавскую губернию. Свою коллекцию из 107 монет он еще в 1838 г. подарил Эрмитажу. Вскоре, в 1849 г., возник конфликт между А.Б. Ашиком и керчь-еникальским градоначальником Дмитрием Гагариным по поводу двух найденных статуй, открытие которых Ашик приписал себе. В результате ему пришлось оставить должность директора музея.

Труды А.Б. Ашика имеют две противоположные стороны: одна – обнаружение памятников древностей с довольно тщательно оставленными рисунками, другая – не всегда верное толкование находки. Его работы изобилуют пространными рассуждениями, представляют собой бесцеремонную компиляцию. По замечанию М.И. Ростовцева, «отчеты эти в высшей степени индивидуальны. Очень обстоятельны и добросовестны отчеты Карейши, хотя в них часто

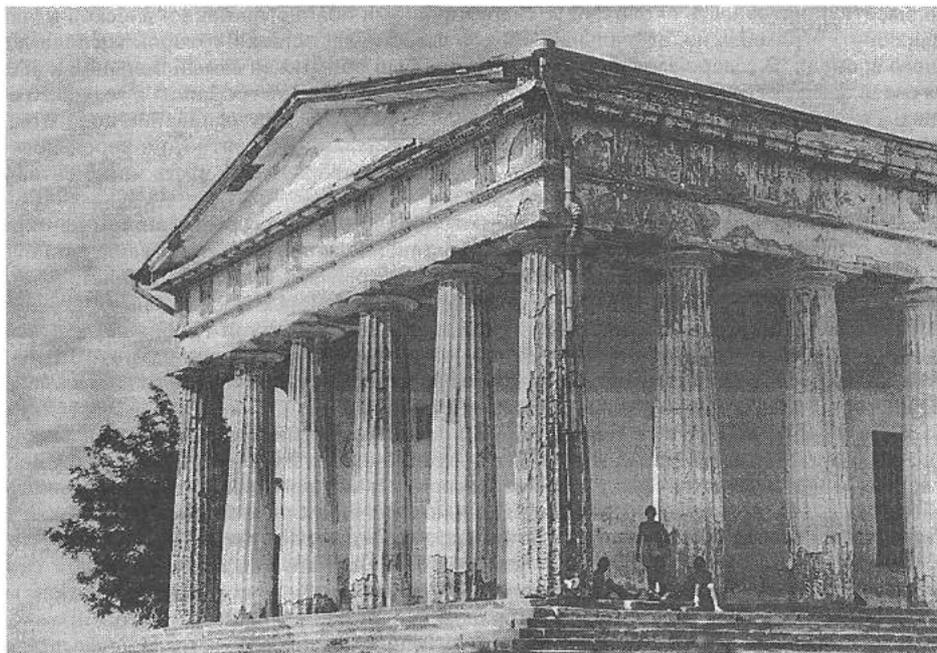

Рис. 1. Керченский музей древностей в 1926 г.

проглядывает – особенно в рисунках – техническая и научная беспомощность этого симпатичного и увлеченного своею деятельностью человека. Более поверхностны отчеты Ашика, в которых он старался блеснуть своею призрачною ученостью; их очень скрашивают иногда очень хорошие рисунки его помощника, скульптура и рисовальщика при Керченском музее древностей Бегичева, фактически производившего раскопки ввиду постоянного отсутствия Ашика в сороковых годах»²². Несмотря на низкий методический уровень, работы А. Ашика и Д. Карейши дали науке большое число интересных памятников боспорской археологии.

К началу 1830-х годов созданный бескорыстными усилиями увлеченных древностью дилетантов музей в Керчи стал богатейшим собранием памятников Северного Причерноморья, а затем и крупным исследовательским центром на юге России. В начале 1834 г. граф М.С. Воронцов написал докладную записку о плане дальнейшей работы музея. По этому плану было необходимо выстроить здание музея из городских доходов Керчи и иметь сторожа, а директору музея продолжать археологические изыскания. И никто, кроме директора, без разрешения не имел права производить раскопки, но так как на частных землях невозможно запретить раскопки, то обо всех находках следовало объявлять керчь-еникальскому градо-начальнику, новороссийскому генерал-губернатору, министру внутренних дел и императору. За предоставление находки следовало выплачивать денежное вознаграждение.

В феврале 1834 г. поступило распоряжение о кредите в 50 000 рублей для постройки здания музея на горе Митридат, а в 1835 г. строительство было завершено. Здание было выстроено по проекту Джорджи Торичелли на склоне горы Митридат в дорическом стиле как копия храма Гефеста в Афинах – Гефестииона²³ (рис. 1), но только 24 июня 1841 г. все вещи из старого музея были перевезены в новое здание.

Подробное описание собрания керченских древностей оставил П. Беккер: «Часть древностей находится вне музеума и расположена у внешних стен здания. Внутренность музеума состоит из большой залы, которая освещается через стеклянную крышу. По стенам стоят шкафы, за стеклом и пред ними столики, тоже за стеклом. В первых сохраняются древности большого

²² *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.

²³ В прошлом веке величественный храм на Афинской агоре отождествляли с храмом Тезея, поэтому иногда здание музея в Керчи называли Тезеум.

размера, в последних – меньшего. Между первым особенно привлекают расписные греческие вазы. Числом и достоинством они не слишком замечательны, потому что лучшие и важнейшие из них отправлены в Петербург. Зато весьма много простых сосудов, которые попадаются во всех возможных видах и наполняют целых два шкафа. Не менее многочисленны находящиеся в третьем шкафу алебастровые и глиняные унгентарии, слезницы и другие стеклянные вещи. Много также в шкафу разной утвари, тут есть бронзовые зеркала, медные сосуды для жертвоприношений, разной величины стригили, ножи, шпильцы и много других мелочей. В столиках более всего боспорских монет. Другой столик занят хорошо сохранившимися деревянными ящиками и полным банным прибором, с губкою, щеткою и деревянным грешком. Посреди залы находятся два постава под стеклянными колпаками, где лежат золотые драгоценные вещи: кольца, частью гладкие, частью украшенные резными камнями, браслеты и ожерелья, золотые листы, застежки и другие украшения. На стене, выше шкафов, размещены вделанные в стену надгробные камни с барельефами и надписями²⁴. Но здание оказалось малоприспособленным: через верхний люк, откуда падал свет, проникал дождь, крышу срывал ветер, помещение не отапливалось.

В 1847 г. штабс-капитан К.Р. Бегичев²⁵ был взят на должность скульптора, а с 20 августа 1852 г. он исполнял обязанности директора музея. В 1849 г. на вершине горы Митридат между памятником И.А. Стемпковскому и Креслом Митридата на глубине 1 1/2 сажени он обнаружил древний водопровод, сложенный из плит различной величины на извести. Крыша водопровода была из всевозможных плит, каменных и мраморных, обломков карнизов, капителей и т.п. Водопровод был исследован на протяжении 40 сажений.

В 1852 г. в исследовании керченских курганов стали принимать участие члены Одесского общества истории и древностей – А.Н. Мурзакевич и Н.П. Кондаков. Еще большие исследования археологических памятников Общество осуществляло в то время, когда знаменитый хирург Н.И. Пирогов был его вице-президентом. Именно он возбудил вопрос о сохранении такого уникального памятника, как Царский курган.

Первые исследования археологов были направлены на изучение некрополей Боспора, итоги которых были подведены в работах А.С. Линевица²⁶ и Э.Г. Муральта²⁷. Издания музея начались публикацией А.Б. Ашиком в 1845 г. стенописей в открытой им гробнице²⁸, а в 1848–1849 годах в Одессе вышел его трехтомный труд «Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами» – первая попытка осмыслить накопленный за первую половину XIX в. материал. Немногим позднее, в 1854 г., были изданы на русском и французских языках «Древности Боспора Киммерийского», хранящиеся в Императорском Эрмитаже²⁹ – роскошное издание с гравюрами и цветными иллюстрациями самых эффектных находок из коллекции Императорского Эрмитажа. А.Б. Ашику принадлежит и первый популярный труд о керченских древностях³⁰. В Петербурге в это же время издается книга П. Сабатье «Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Боспорского»³¹, а в Москве – труд Г. Спасского³². Чиновник Керченского музея (заведующий раскопками) А.С. Линевиц написал практико-теоретическое исследование по изучению курганов.

Еще в 1851 г. начальник первого отделения Эрмитажа Ф.А. Жиль поставил вопрос о необходимости изготовить ряд рисунков, карт и планов, относящихся к древностям Керченского

²⁴ Беккер П. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г. // Прописки. Т. 3. Отд. 1. М., 1853. С. 349–382.

²⁵ Кирилл Родионович Бегичев начал службу в музее еще при А.Б. Ашике, которого неоднократно замещал ввиду его постоянных отъездов в Одессу. К.Р. Бегичев приобрел большой опыт в раскопках и вел их самостоятельно. Он сопровождал А.Е. Люценко во время поездки в Екатеринославскую губернию для раскопок Александропольского кургана, выполняя все необходимые рисунки и планы. Ему принадлежат рисунки цели курганов на гряде Юз-Оба и многочисленных склепов, а также кургана Кара-Оба. В издании «Древности Боспора Киммерийского» им исполнено много вынтовок с видами Керчи. В марте 1862 г. К.Р. Бегичев умер от чахотки.

²⁶ Линевиц А.С. О керченских гробницах // Прописки. 1854. IV. С. 537–550.

²⁷ Муральт Э.Г. Хронологическое обозрение древних могил, открытых по обе стороны Боспора Киммерийского // Зап. Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. 1850. III. С. 306–354.

²⁸ Ашик А.Б. Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. СПб., 1845.

²⁹ Стефани Л. Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. Т. I–II. СПб., 1854; Reinach S. Antiquites du Bospore Cimmerien. P., 1892.

³⁰ Ашик А.Б. Часы досуга с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 1850.

³¹ Sabatier P.J. Souvenirs de Kerisch et chronologie du royaume de Bospore. St.-Petersburg, 1849.

³² Спасский Г. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846.

полуострова. Этот материал предполагалось опубликовать в «Древностях Боспора Киммерийского». Он составил список объектов, по которым требовалась топографическая съемка и описание архитектурных объектов. Работы выполнялись в сентябре 1853 г. через посредство штаба начальника Черноморской береговой линии и их осуществление было возложено на полковника корпуса топографов Рябова и «архитектурного помощника» Шмакова. На выполнение этих трудоемких заданий Шмаков и Рябов затратили всего около трех недель и уже 23 сентября выслали в Петербург планы и рисунки 19 памятников и 12 их описаний.

Качество раскопок, система фиксации материала, сохранность памятников заметно улучшились с приходом на пост директора музея А.Е. Люценко³³ (1853–1878). Ознакомившись с состоянием раскопок, он заметил, что из сотни раскопанных курганов едва ли найдется десять разрытых порядочно; производили раскопки без всякой системы, беспрестанно переходили с одного места на другое, в описаниях раскопок редко определяли с точностью положение разрытых курганов и даже самых местностей, так что, обозревая их теперь на расстоянии более 100 квадратных верст, невозможно было судить, когда и кем они были раскопаны, что найдено было в них замечательного, и все ли они расследованы как должно. Он впервые внес в практику съемку планов раскапываемых курганов.

Во время работы А.Е. Люценко на гряде Юз-Оба, где в IV в. до н.э. располагался элитный некрополь, были открыты десятки склепов, раскопан и отреставрирован Мелек-Чесменский курган, в 1871 г. превращенный в самостоятельный музей. Большие раскопки проводились на Таманском полуострове. Музей уже имел право оставлять у себя дубликаты и таким путем пополнять свои коллекции. В 1870-е годы был открыт ряд расписных склепов – Стасовский, склеп Анфестерия и др. На катакомбы и их живопись было обращено внимание благодаря В.В. Стасову, описавшему найденную в 1872 г. цыганом Меметом Оразали катакомбу и получившую в литературе название «Стасовской»³⁴. Его интерес к древностям был столь велик, что многие считали археологию искусства его специальностью. Он был настолько захвачен своеобразной живописью, что предлагал перевезти в Петербург наиболее важные части росписи, однако скромные возможности реставраторов того времени помешали этому плану. В.В. Стасов первый указал на греко-варварский характер культуры Боспора. Описание расписных склепов спустя 40 лет дал в своем монументальном труде М.И. Ростовцев³⁵, где блестящий искусствоведческий анализ соединен с эрудицией историка и археолога. Работы М.И. Ростовцева по истории Боспора Киммерийского стали базовыми для всех последующих исследователей.

В годы Крымской войны значительная часть коллекций музея была эвакуирована. Уже в апреле 1854 г. упакованные в семь ящиков находки были направлены в Бердянск, а оттуда в немецкую колонию Брунау (совр. г. Орехов Запорожской обл.). Часть коллекции попала в Екатеринославский музей, куда для их принятия прибыл петербургский востоковед, нумизмат и археолог П.С. Савельев. «Ценности одного из первых археологических музеев на юге России – реликвии времен Боспорского царства, были сложены в специально отведенном помещении, в котором проживал и приехавший ученый. Но в Екатеринославе их постигла беда: разбушевался пожар, за каких-то 20 минут охватил пламенем весь прилегающий квартал и лишь часть экспонатов удалось спасти»³⁶.

Ввиду угрозы захвата Керчи англо-французскими интервентами Министерство уделов предписало отложить раскопки, которые нельзя было провести в короткий срок, а вести лишь те, которые не требуют продолжительного времени. Англо-французы, захватившие Керчь, разорили музей и устроили в нем пороховой склад. «Дверь музеума выломана... пол мраморный выломан, камни выломаны, стекла в люках выбиты, мебель и шкапы в нишах уничтожены. Древние вещи, хранившиеся в музеуме, расхищены... Мраморные львы и надгробные памятники, бывшие под колоннами музеума, все похищены, кроме некоторых, не имеющих значения». По сведениям Н.П. Кондакова пол музея был устлан на несколько вершков битой посудой и стеклом. Оставшиеся в Керчи ценные вещи (в том числе и керамика) были вывезены

³³ Александр Ефимович Люценко (1807–1886), по специальности инженер путей сообщения, обратил на себя внимание руководителя археологических исследований на юге России министра уделов Л.А. Перовского своей коллекцией древнегреческих монет. Директором музея работал до 1878 г., потом А.Е. Люценко вышел в отставку и жил в Петербурге до 1884 г.

³⁴ Стасов В.В. Катакомба с фресками, найденная в 1872 г. близ Керчи // ОАК за 1872 г. СПб., 1875. С. XVIII.

³⁵ Ростовцев. Античная декоративная живопись...

³⁶ Боровкова В.Н. История коллекции краснофигурной керамики Керченского музея // Классическая филология на современном этапе. М., 1996. С. 31.

за границу английским полковником Вестмакотом. Интервенты провели свои раскопки, результаты которых изложены в книге Макферсона³⁷.

После Крымской войны коллекции помещались в случайных помещениях, а затем на квартире А.Е. Люценко. С разрешения графа Строганова он нанял каменный дом в лучшей части города, принадлежавший комиссару Карантинного правления коллежскому ассессору Памеранцеву. Вскоре дом, а точнее его верхний этаж, был очищен от жильцов, и туда переехал музей.

С 1859 г. с учреждением Императорской археологической комиссии (ИАК) начинается новый этап изучения античности. Комиссия взяла на себя руководство раскопками, изданием отчетов и распределением по музеям найденных вещей, лучшие из которых по-прежнему поступали в Эрмитаж. 26 июня 1858 г. помощником директора Керченского музея был назначен живописец Федор Иванович Гросс. А.Е. Люценко разработал план дальнейших археологических исследований и в мае 1859 г. представил его в ИАК в виде докладной записки. Эта была первая попытка ввести археологические исследования в плановое русло. Одновременно он сообщает генерал-адъютанту Строганову о необходимости усиления надзора за археологическими раскопками. В октябре 1864 г. Одесское общество истории и древностей командировало в Керчь своего секретаря Н. Мурзакевича³⁸, который ознакомился с состоянием Царского кургана и сообщил обществу: «Курган же Царский от прежних безотчетных раскопок по всей его наружной окружности близок к тому, что его свод просачивающейся дождевою водою в непродолжительном времени может повредиться, а затем и обвалиться. Величественный коридор, построенный в египетском вкусе, уже начинает расхищаться своевольными окрестными жителями. Необходимо спасти этот единственный древнейший памятник». Указывалось на необходимость надзора за курганом, реставрации «египетского коридора», сделать у входа железные решетчатые двери, засыпать землей вершину и обочины кургана.

Убедившись, что никаких благотворительных средств на Царский курган собрать не удастся, ИАК решила начать его раскопки. 18 января 1865 г. директору Керченского музея А.Е. Люценко было послано указание приступить к выполнению первоочередных охранно-реставрационных земляных работ на Царском кургане. Предполагалось устроить вокруг него ров и вал, засыпать углубления в курганской насыпи. В дальнейшем намечалось выстроить при кургане небольшой жилой караульный домик для сторожа и возобновить разрушенные части стен и каменного помоста склепа.

В 1866 г. в «Археологическом вестнике» появилось сообщение: «Временнообязанные крестьяне, раскапывая в ноябре и декабре месяцах 1866 года находящийся на их участке курган, открыли каменную, довольно безобразную могилу, в которой, между прочим, нашли: две золотые серьги, восемь розеток, десять зерен для ожерелья, одиннадцать луговок того же металла и искусно отделанный сердолик. В настоящее время ...вещи находятся в руках частного лица, совершенно равнодушного археологическому и художественному значению, но далеко не равнодушного к материальной их ценности»³⁹. Этим частным лицом был Сазонов, который предложил вещи для покупки музею, но А.Е. Люценко почему-то не мог их приобрести, и вещи были проданы скупщику древностей И. Обершмуклеру. В 1867 г. их приобрела Археологическая комиссия и передала в Эрмитаж. Находки были сделаны при разрытии одного из курганов у дер. Эльтиген, где находится древний Нимфей. В том же году в музей был доставлен краснофигурный кратер, найденный И. Меркулабовым на земле С. Ерохина, крестьянина-собственника из Эльтигена. Разграбленные Меркулабовым два кургана были исследованы А.Е. Люценко, в них были найдены краснофигурная гидрия с изображением состязания в игре на музыкальных инструментах, обломки краснофигурного кратера с изображением пляшущих юношей и другие предметы. Сознавая необходимость планомерных исследований в окрестностях Нимфея, А.Е. Люценко предложил Археологической комиссии купить у помещицы Гурьевой, которая требовала за проведение раскопок 3000 рублей, право на исследование, но ответа не получил. Тем временем известный кладоискатель, прусский подданный Франц Билер, договорившись с Гурьевой, в короткий срок обыскал центральные каменные гробницы многих курганов, в результате чего часть находок была конфискована и поступила в Эрмитаж, а другую часть в 1869 г. приобрел инженер сэр Вильям Сименс и в настоящее время эти вещи хранятся в музее Ашмолен в Оксфорде.

³⁷ McPherson D. Antiquities of Kertch and Researches in the Cimmerician Bosphorus. L., 1857.

³⁸ Николай Никифорович Мурзакевич – историк и археолог (1806–1883), окончил Московский университет по нравственно-политическому отделению, был профессором русской истории в Ришельевском лицее, позже его директором, основал Одесское общество истории и древностей, в «Записках» которого поместил ряд статей по нумизматике, истории и археологии.

³⁹ Археологический вестник за 1867 г. С. 93.

В 1870 г. на Темир-горе Г.И. Хицунов и А.Е. Люценко исследовали погребение округлой формы, которое было перекрыто деревянным настилом и каменным закладом. Помимо других находок, там найдена родосско-милетская ойнохоя третьей четверти VII в. до н.э. – самый ранний предмет греческого импорта, появившийся здесь еще до греческих колоний.

В 1875 г. А.Е. Люценко предпринял новые раскопки кургана Куль-Оба. К этому времени был опубликован отчет П. Дюбрюкса, и в нем высказывалось предположение, что под нетронутой насыпью мелких камней имеется еще одно захоронение, которое Дюбрюксу не удалось исследовать из-за того, что стены склепа завалились. Куль-обский склеп был снова вскрыт и очищен от завалов. Стены его оказались наполовину разобранными. Весь пол, состоявший из огромных каменных плит, взломан, плиты расколоты на части и вывезены. Под полом Люценко обнаружил несколько ям в скалистом материке, но никаких следов погребений там не оказалось. Весьма возможно, что при возобновившейся после 1830 г. добыче камня с Куль-Обы окрестные жители нашли здесь еще не одну ценную вещь... Однако никаких сведений о находках, которые можно было бы связать с Куль-Обой, до нас не дошло. Не нашлось и новых погребений в тех траншеях, которые он прокопал в кургане. Было найдено лишь несколько мелких золотых бляшек, таких же, как в 1830 г.

В 1878 г. А.Е. Люценко по состоянию здоровья выходит в отставку. Перед своим уходом он написал обстоятельную записку, в которой указывал места, где, по его мнению, следует продолжать раскопки. Эта записка оказалась большим подспорьем и легла в основу дальнейшего плана работ нового директора С.И. Веребрюсова⁴⁰, который вступил в должность 1 мая 1878 г., оставив пост директора Феодосийского музея. Вместе с членом ИАК Н.П. Кондаковым⁴¹ он разработал план археологических исследований Пантикапея с обязательным указанием места раскопа на карте. В эти годы расширяется строительство в городе, вынуждавшее музей нередко производить раскопки в местах случайных находок и открытый. В.В. Шкорнип писал позднее, что в это время активно разрушался Золотой курган; владелец известковых печей Поликарпов порохом взрывал полигональные стены кургана и пережигал их на известь. С.И. Веребрюсов ограничивался одними бумажными протестами, посылаемыми в городскую управу, а упреки А.В. Новикова, клеймившего этот вандализм, оставались гласом вопиющего в пустыне. Добыча камня и самовольная застройка горы Митридат грозила разрушением многих памятников, в связи с чем музею приходилось выступать в защиту археологических интересов перед городской думой. На северном склоне была исследована значительная площадь некрополя Пантикапея.

После смерти С.И. Веребрюсова в апреле 1884 г. директором музея был назначен Ф.И. Гросс⁴². Из-за оскудевшего потока эффектных находок ассигнования ИАК сильно сократились, потому все внимание было уделено Херсонесу. Как докладывает в своих рапортах Ф.И. Гросс, «археологические розыскания производились с надлежащим установленным порядком в окрестностях Керчи и сопровождались открытием значительного количества древних вещей, но особенно выдающихся открытий в минувшем году не было». Между тем Керченский музей вел исследования кургана Большая Близница в районе мыса Тузла на Тамани, продолжались раскопки на горе Митридат, в окрестностях Мирмекия, на Глинице и в других местах. В них принимали участие Н.П. Кондаков, А.А. Бобринский, Ю.А. Кулаковский и др.

⁴⁰ Степан Иванович Веребрюсов еще до увольнения А.Е. Люценко с должности директора ознакомился со всем комплексом работ, продолжил исследования курганов на Тамани и северном склоне горы Митридат. Умер в 1884 г.

⁴¹ Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) – выдающийся историк искусства и археолог, родился в 1844 г., состоял профессором Новороссийского, затем Петербургского университетов, членом Археологической комиссии и старшим хранителем отделения средних веков и эпохи Возрождения в Эрмитаже. В 1898 г. был избран академиком по отделению русского языка и словесности Академии наук. Совместно с графом И.И. Толстым издал «Русские древности в памятниках искусства». Т. 1–6. СПб., 1889–1899.

⁴² Федор Иванович Гросс (1822–1897) – «неутомимый рисовальщик», «крымский уроженец, художник по призванию», получил домашнее образование и живописи учился у своего отца. 14 октября 1857 г. по рекомендации попечителя Одесского учебного округа был определен на службу в девичий Кушниковский институт г. Керчи. 10 октября 1869 г. за альбом рисунков керченских ваз получил 500 рублей, а за рисунки керченских находок – благодарность от графа Строганова. 20 февраля 1873 г. за рисунки фресок из катакомб получил благодарность и 400 рублей от ИАК. Награжден орденами Станислава, св. Анны, а в феврале 1880 г. указом Сената за выслугу лет произведен в надворные советники. 1 мая 1876 г. был назначен помощником директора музея с оставлением службы при институте, а в апреле 1884 г. стал директором музея. Главная заслуга Ф.И. Гросса – графическая фиксация практически всех находок за 30 лет работы.

Председатель ИАК А.А. Бобринский⁴³ в 1888 г. вместе с директором музея Ф.И. Гроссом исследовал могилы на Аджимушкайской улице и в районе древнего Мирмекия. На следующий год он обследовал последний курган на Юз-Обе, в котором оказался разоренный склеп. В 1891 г. произвел раскопки в Керчи на северном склоне горы Митридат, на Аджимушкайской улице близ Братской церкви, у кордона пограничной стражи, по дороге из Керчи в Еникале, близ Змеиного залива, у дер. Капканы.

Весной того же года кладоискатели-«счастливчики» случайно во дворе напротив Братской церкви открыли богатую черепичную могилу, в которой обнаружили деревянные саркофаги. Боковые стенки его были украшены гипсовыми и алебастровыми фигурами, внутри находились жженные кости, большое количество золотых листков от погребального венка и серебряная монета. Все вещи были проданы известному керченскому торговцу древностями Е.Р. Запорожскому. Граф А.А. Бобринский получил разрешение у хозяина произвести раскопки на том же месте, занятом фруктовым садом. У Е.Р. Запорожского он приобрел все скупленные им находки, но некоторые фигуры были обломаны. Он передал их керченскому мастеру, славившемуся умением реставрировать древние предметы. Тот не ограничился склейкой, а использовал их как формы, изготовил новые статуэтки и тут же пустил на продажу. Граф А.А. Бобринский купил для сравнения и подделки. Все предметы были отправлены в Археологическую комиссию. Позже 126 предметов из керченских раскопок поступили в музей Одесского общества истории и древностей, а 82 предмета – в Феодосийский музей. Тогда же Бобринский купил для Керченского музея урну, вставленную в каменный ящик из известняка.

Известен отчет Я.И. Смирнова 1889 г. о поездке по Крыму и Кавказу, где описаны античные памятники Азовского побережья Керченского полуострова⁴⁴. В 1894–1895 годах в тех же местах провел раскопки нескольких некрополей местный помещик А.А. Дирин⁴⁵. В них принял участие Ю.А. Кулаковский. Археологические раскопки в этом районе велись впервые на южном склоне горы Таш-Аллак, которая возвышается к юго-западу над Чокракским озером. Весь склон был покрыт буграми, которые при раскопках оказались древними курганами, под которыми оказались склепы с захоронениями от 30 до 35 человек. В одной неограбленной могиле были найдены две чернолаковые чашечки, куски поломанных медных колец, медные бусы, 27 стрел, маленькая амфора без ручек и железный нож. Тогда же Дирин проводил раскопки в своем имении Чокрак-Мама на берегу Чокракского озера и в имении Мамбета Чингисханова Куль-тепе.

На земле Чигине, смежной с Куль-тепе, принадлежащей Ильиным, на протяжении 2–3 верст отдельными группами тянулись гробницы. Ильины не разрешали производить раскопки, они копали сами в надежде найти «клад», но находили не золотые вещи, которые, за редким исключением, ими выбрасывались. Во время раскопок у рыбного завода, на мысе Зюк, близ Чокракского озера в имении А.А. Дирина Чокрак-Мама было обнаружено около 60 гробниц – обширный некрополь, в котором гробницы были сложены из плит и ограблены еще в древности. В расстоянии версты от рыбного завода, несколько в глубь материка, было обнаружено третье кладбище, также разграбленное, и на его месте устроено новое.

В имении Чингисханова Куль-тепе было обнаружено 50 могил, 10 из которых были разграблены еще в древности. Раскопки А.А. Дирина выявили носов древнереческое поселение. Найденные при раскопках древности были направлены в музей Одесского общества. Из раскопок в Чокрак-Мама А.Н. Деревицкий доставил в музей 15 бронзовых браслетов, террако-

⁴³ Алексей Александрович Бобринский (1852–1927) – политический деятель, землевладелец, сахарозаводчик, с 1886 г. председатель Археологической комиссии. В течение ряда лет вел раскопки на юге России, главным образом в Керчи и Киевской губернии. Результаты этих раскопок, давших богатый материал, опубликованы частью в большом труде Бобринского (О курганах близ м. Смелы Киевской губернии. I. 1886; II. 1894; III. 1901), частью в ОАК с 1882 по 1907 г. и ИАК. Вып. 14, 16–18, 35, 37 и 40. Напечатал ряд работ о доисторической, классической и русской археологии (Херсонес Таврический. 1905; *Notes d'archéologie russe // Revue archéologique*. 1904 и др.). По поводу 25-летия деятельности Бобринского в качестве председателя Археологической комиссии был опубликован «Сборник археологических статей, поднесенный гр. А.А. Бобринскому» (СПб., 1911).

⁴⁴ Смирнов Я.И. Отчет о поездке по Крыму и Кавказу летом 1889 г. // Архив ИИМК. СПб. Ф. 1. № 44/1889.

⁴⁵ Дирин А.А. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. 1896. 19. С. 121–129. Александр Алексеевич Дирин – потомственный дворянин, археолог-любитель, коллекционер, в начале XX в. заведовал музеем Мелек-Чесменского кургана, в Керчи имел собственный дом, где располагалась грязелечебница для больных с нарушением опорно-двигательной системы.

товую статуэтку скифского всадника со щитом, четыре глиняных сосуда, два глиняных колеса, клочок волос с остатками шелковой материи. В дар от А.А. Дирина в этот же музей в конце 1896 г. из Керчи поступили четыре стеклянных сосуда, две глиняные вазочки и один глиняный светильник на высокой ножке. В 1897 г. в детской гробнице, открытой в местечке Сююр-Таш у Азовского моря, были найдены интересные предметы и среди них бронзовый цилиндрок, в котором находился амулет (квадратный лоскуток материи с написанной темной краской греческой надписью в 10 строк с заклинанием, вероятно, из Нового Завета)⁴⁶, который А.А. Дирин передал в дар ИАК. В эти же годы он подарил Мелек-Чесменскому музею две надгробные плиты с рельефными изображениями, стеклянный кувшин и 10 глиняных сосудов, найденных при раскопках в Куль-тепе, железный меч, окаменелый позвонок мамонта и другие предметы. Несмотря на множество замечаний к документации находок, сведения А.А. Дирина долгое время оставались единственными о поселениях Азовского побережья Керченского полуострова.

В 1890-е годы начинается новый период археологической деятельности Керченского музея, так как период курганных раскопок, дававших богатые материалы, завершился. Отныне любая небольшая могила, любая вещь была интересна не сама по себе, а как частица целого. Началась и упорная борьба с кладоискательством, была предпринята попытка создать археологический план местности.

В конце апреля 1890 г. керченский мещанин Иван Иванов и два его товарища (отставные рядовые Петр Вигрант и Тимофей Булат) при добывании камня на северном склоне Долгой скалы на горе Митридат напротив мечети случайно открыли разоренную катакомбу с фресковой живописью. Катакомба была уже ограблена: по словам жителей слободки, ее открыли пятью годами ранее. В сущности катакомба представляла собой одну комнату, разделенную на три погребальные камеры. Передняя часть стены и столбы были оштукатурены и покрыты фресками с надписью погребенного здесь Сорака⁴⁷. Вход в катакомбу был завален до прибытия кого-нибудь из членов Императорской археологической комиссии, которая командировала для исследования склепа Ю.А. Кулаковского⁴⁸. Дальнейшие изыскания в этом месте привели к открытию нескольких склепов, в том числе одного с христианской символикой и датой – 788 г. по боспорской эре (491 г. н.э.). В течение долгого времени Ю.А. Кулаковский собирал сведения о местонахождении склепов на северном склоне г. Митридат, лично обследовал ряд склепов и первым издал карту со всеми известными склепами⁴⁹.

31 марта 1891 г. директором музея был назначен К.Е. Думберг⁵⁰, который провел первые крупномасштабные раскопки Пантикапея на северном склоне горы Митридат и попытался составить археологическую карту Пантикапея. Он писал: «Археологическая топография вообще представляет, так сказать, большое место Керченских разрытий. В 1891 г. я представил Комиссии свои соображения о необходимости составления археологической карты керченского градоначальства. С тех пор я занимался, по мере возможности, предварительными по этому предмету работами и убедился, что составление подробной археологической карты осуществимо, но далеко не так легко, как я предполагал. В очень многих случаях придется отказываться от абсолютной точности и ограничиваться приблизительными только указаниями. Последнее относится главным образом к первому периоду керченских раскопок, до назначения Люценки. Археологическая топография курганов вообще еще довольно хорошо обставлена. Что касается сплошных кладбищ, пепелищ, городищ и катакомб на Митридате, то никогда не удастся привести этот хаос в мало-мальски удовлетворительный порядок... Наряду с этой работой идет другая, обнимающая все археологические находки, сгруппированные по материи. Она также получит вид словаря, и мы должны в нем все найти, что касается, например, катакомб, стекла, надгробий, Нимфея, статуй, жженных точков, саркофагов, Мирмекиона и т.д. Конечною целью является составление на основании этих сборников, монографий, из которых первая обнимает историю и критику керченских раскопок, а последняя

⁴⁶ Придик Е.М. Греческие заклятия и амулеты из Южной России // ЖМНП. 1899, декабрь. С. 115–124.

⁴⁷ Яциуржинский Хр. Вновь открытая греческая катакомба в г. Керчи // ИТУАК. 1890. 10. С. 111–113.

⁴⁸ Кулаковский Юлиан Андреевич – известный филолог и историк. Родился в 1855 г. Состоял профессором Киевского университета.

⁴⁹ МАР. 1896. 19.

⁵⁰ Карл Евгеньевич Думберг (1862–1900) жил в Эстонии, закончил историко-филологический факультет Юрьевского университета (Тарту), 24 апреля 1890 г. утвержден штатным преподавателем истории и географии, был избран действительным членом Императорского Одесского общества истории и древностей и членом Таврической ученой комиссии в г. Симферополе.

историю бытовой жизни Боспора... Керчь очень богата памятниками, но в городе отсутствует исторический дух. Музей состоит из дубликатов и вещей, непригодных для вывоза в Санкт-Петербург. Плохие витрины и каталоги. Музей нуждается в приятной для глаз обстановке и систематической подборке. Нет ни рисунков вещей, отправленных в Эрмитаж, ни планов, ни чертежей. Необходим каталог коллекций, короткий и основательный, понятный и неискусный. Необходимы лекции»⁵¹. В рапорте в Археологическую комиссию К.Е. Думберг отмечал: «Богатые раскопки не должны быть конечной целью археологических разысканий... Чем тщательнее и добросовестнее раскопки будут производиться, служа науке и не стремясь к богатствам, тем более можно рассчитывать на удовлетворительные научные результаты... Поправить все упущения прежних времен трудно и дорого»⁵².

Вместе с К.Е. Думбергом исследования вели Ю.А. Кулаковский и председатель Археологической комиссии граф А.А. Бобринский – из многочисленных раскопок последнего следует отметить исследование зольника за Вторым Креслом Митридата, где была найдена красно-фигурная гидрия с изображением бородатого Гермеса. В докладной записке Археологической комиссии К.Е. Думберга сказано: «Керченские лавки переполнены древностями. Судьи, как правило, оправдывают разрушителей памятников. Открыто работают кладочискатели: Букзиль, Тульман, Ермолай Запорожский»⁵³. Только с 1891 по 1894 г. к ответственности было привлечено 32 человека, постоянно занимавшихся тайными раскопками. В рапорте полицмейстера М.Ф. Томпофольского керчь-еникальскому градоначальнику от 3 января 1894 г. представлен список лиц, занимавшихся кладочискательством и покупкой древностей. В нем упоминались вышеперечисленные лица, а также И. Белик и С. Головлев. Многие находки попадали в руки путешественников, вывозились за границу. Богатейшие коллекции, составленные из боспорских древностей, теперь можно увидеть в различных музеях мира⁵⁴. Так, в 1880 г. музей при Центральном училище технического рисования барона Штиглица приобрел коллекцию Букзеля и Константинова из 74 ювелирных предметов, А.В. Звенигородский подарил Художественно-промышленному музею при Императорском обществе поощрения художеств коллекцию глиняных ваз и светильников⁵⁵. В составе известной коллекции Джеймса Лебе в Мюнхене имеются такие шедевры, как золотая диадема в виде «Гераклова узла» из Керчи с фигурками гиппокампов и Ники, а также из коллекции Йоханнеса Сивекинга: три граненые пирамидальные варварки, бронзовый киаф с ручкой в виде головки лебедя, бронзовая полусферическая миска, предметы из погребений первых веков нашей эры, в том числе пряжка с завитками и щитком в виде сарматской тамги, поступившие в 1913 г.⁵⁶ На аукционе 1966 г. Гамбургский музей купил ряд предметов: венок, браслет, золотые листки от венка или погребального полога, накладки на пряжки и наконечники ремней, происходящих с «юга России»⁵⁷ и характерных для некрополей Боспора. Наибольшее число предметов из Крыма поступило в Германию в 1907 г. от бывшего управляющего царскими виноградниками в Крыму и на Кавказе, впоследствии основателя Восточного банка в Париже Мерля де Массоне. Эта коллекция была собрана в 1890–1895 гг. и сегодня хранится в Государственном музее и Этнографическом музее в Берлине, в Римско-Германском музее в Кёльне⁵⁸. В коллекции Археологического института Университета Кельна есть небольшая коллекция простой и чернолаковой керамики, попавшая в период между двух мировых войн⁵⁹. Позднее богатейшая коллекция Е. Запорожского и часть

⁵¹ Архив ИИМК. Дело за 1894 г. № 158.

⁵² Рапорт № 52 от 31.XII.1891 года // Архив ИИМК.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Боронкова В.Н.* Коллекционеры и торговцы керченскими древностями // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь, 1996. С. 18–20; О коллекции В.В. Шкорпила, хранящейся в музее Западной Богемии в Пльзене, см. *Ondreyova J.* Les bijoux antiques du Pont Euxine Septentrionalis. Praha, 1975 (рец.: *Ненеров О.Я.* // ВДИ. 1980. № 3. С. 226–227); о коллекциях, хранящихся в музеях Германии, см. *Трейстер М.Ю.* // Археология, 1997. № 2. С. 151–153.

⁵⁵ Санкт-Петербург и античность. СПб., 1993. С. 66–67.

⁵⁶ *Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck (Kulturgeschichte der antiken Welt, Bd 27). Mainz, 1985. S. 275. Taf. XXVIII–XXIX; *Sievecing J.* Bronzen, Terrakotten, Vasen der Sammlung Loeb, München, 1990. S. 6. Taf. 7, 1.

⁵⁷ *Hoffman H., Daer V. von.* Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg. Antiker Gold und Silberschmuck. Mainz, 1968. S. 45–50. № 29–37.

⁵⁸ *Baye J.de.* Communication sur les Antiquites trouvées en Crimée par M. de Massoneau // Bull. Soc. Nat. Antiq. France. 1905. P. 217–223; *Greifenhaagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd 1. Fundgruppen. B., 1970. S. 10.

⁵⁹ *Hesberg von.* 60 Jahre Archäologisches Institut der Universität zu Köln: Versuch einer Chronik // Geschichte in Köln: Beiträge zur Geschichte Kölns im 20. Jahrhundert. 1989. Ht 25. S. 111–130.

коллекция И.К. Суручана, а также некоторые другие были приобретены музеем Пермского университета⁶⁰. Местонахождение большей части коллекции И.К. Суручана и по сей день неизвестно (часть коллекции надгробных стел хранится в Херсоне). У И.А. Терлецкого, старшего врача лазарета Особого керченского отдельного корпуса пограничной стражи, была лучшая после Эрмитажа коллекция монет, всегда доступная для осмотра желающими. Каталог И.А. Терлецкого, в котором зафиксировано 829 монет, проданных на аукционе в Вене, издан типографским способом. В Керченском музее хранится рукописный экземпляр нумизматического каталога И.А. Терлецкого, составленный в 1902 г. в Керчи под названием «Каталог собрания монет автономных колоний, греческих и боспорских царей по Северному побережью Черного моря доктора Игнатия Терлецкого, собранных в Керчи и его окрестностях». Перед перечислением монет сделаны общие записи «Пантикапей, Аполлония, Фанагория, Синдика, Ольвия, Херсонес, Босфорские цари». Красными чернилами внесены золотые монеты и отметки «неиздана»⁶¹. Коллекцию монет Терлецкого купил в Вене московский коллекционер-нумизмат Ф.И. Прове и позже перепродал ее за границу.

В коллекции И.А. Терлецкого хранились вазы, амфоры, сосуды из стекла, «три ящика» с бусами и другими украшениями из камня, стекла и хрусталя. Уральский миллионер Н.В. Мешков выделил 20 000 рублей для приобретения этой коллекции, но приобрести ее не удалось. После революции часть коллекции была продана за границу и оказалась в Польше, в Национальном музее Кракова, нумизматическая коллекция – в Национальном музее в Варшаве, другая ее часть – в Берлинских музеях. Таким образом, коллекция И.А. Терлецкого была рассеяна по музеям Украины, России, Польши, Германии и Франции. В коллекции Керченского музея имеются лишь надгробные стелы из этого собрания.

В Керчи были известны и другие коллекционеры: А.В. Новиков, В.А. Цехановский, Н.А. Савицкий, В.В. Олив, А.А. Дирин, Месакуди, торговцы древностями Б.И. Букзиль, Мосет Цоциловилли (он же – И.А. Тульманн), золотых дел мастер, «турецкий подданный» Моисей Зильберштейн, Иван Пекеров, Сергей Головлев, Е.Р. Запорожский и др. Судьба многих коллекций этих лиц сегодня неизвестна.

В 1900 г. А.В. Новиков передал значительную коллекцию из 535 предметов стоимостью 15 000 руб. в Императорскую археологическую комиссию, и оттуда вещи поступили в Эрмитаж, а на следующий год он передал в дар Эрмитажу собрание древних свинцовых гирек.

Дипломат сэр Оливер Вудроп, в 1895–1902 гг. занимавший пост британского вице-консула в Керчи, оценил собрание Новикова как «главную местную коллекцию древностей». Об этой коллекции стало известно и столичным ученым. Так, проф. Н.П. Кондаков в 1882 г. получил от Новикова для изучения фрагмент терракотовой статуэтки богини (по его мнению – Геры, по мнению владельца – Афины). Византист Д.В. Анналов⁶², направляясь в 1890 г. в Херсонес, посетил Новикова в Керчи. К своему отчету для Академии наук он приложил рисунки самых любопытных предметов его собрания. В 1896 г. немецкий археолог Г. Драгендорф описал кувшины из этой коллекции. Золотые вещи «готского стиля», кроме Анналова, видел французский исследователь Байе, издавший их в 1892 г.⁶³ «Вследствие предписания г-на председателя Императорской комиссии была мною в январе и феврале месяцах 1900 г. составлена точная опись коллекции керченских древностей А.В. Новикова в Керчи, состоящая всего из 535 номеров. Вместе с найденными мною в 1899 г. древностями тщательно упакованная коллекция Новикова была мною доставлена в отпущенном по высочайшему повелению вагоне 28 февраля в Петербург и выставлена в помещении Комиссии. Государь император и государыня императрица изволили посетить выставку 11 мая. По повелению его императорского величества коллекция г-на Новикова была приобретена за 15000 рублей и мною передана 21 мая старшему хранителю Императорского Эрмитажа г-ну Кизирицкому» – писал К.Е. Думберг 19 июня 1900 г. На период поездки по Греции в апреле–мае 1904 г. директор музея В.В. Шкорпил передал заведование музеем А.В. Новикову как активному помощнику музея. Он умер в 1916 г. в возрасте 73 лет. После революции часть его книг и коллекции попала в Керченский музей.

⁶⁰ *Стамбровский А.С.* Из истории собрания древностей художественного фонда музея истории Пермского университета // *Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья*. М., 1994. С. 53.

⁶¹ *Борожкова В.Н.* Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь, 1999. С. 83.

⁶² Дмитрий Васильевич Анналов – доктор истории и теории искусств, профессор Санкт-Петербургского университета (с 1903 г.). Родился в Мариуполе в 1862 г., окончил курс в Новороссийском университете, напечатал ряд работ по истории искусств.

⁶³ См. *Ненеров О.Я.* Коллекция А.В. Новикова // *Боспорский город Нимфей*. СПб., 1999. С. 58–60.

Рис. 2. Плафон из «склепа Деметры»

В 1892 г. Министерство императорского Двора разрешило Керченскому музею ввести для кураторов ИАК особый знак в виде бляхи с орлом и круговой надписи, а в октябре 1899 г. К.Е. Думберг ходатайствовал перед ИАК разрешить надсмотрщикам и сторожам для поднятия престижа музея носить форменную одежду.

Преобразование музея стоило много денег, необходимо было выстроить новое здание для музея, библиотеку, для которой штабс-капитан Юлий Иванович Тамазини пожертвовал книги. В 1893 г. в музее начинает работать гальванопластическая мастерская. В конце 1897 г. Министерство внутренних дел и ИАК приступили к оценке памятников, составлению свода. ИАК предписывала сообщать, какие памятники надлежит охранять от разрушения путем наблюдения со стороны местных властей, а какие требуют исправления и починки. Предписывалось постепенно начать реставрацию с наиболее древних.

10 сентября 1894 г. в саду подполковника Волошкевича «счастливыми» был найден громадный мраморный лев великолепной сохранности. К.Е. Думберг немедленно телеграфировал председателю ИАК А.А. Бобринскому, который уже 12 сентября прибыл в Керчь и приобрел его для Эрмитажа за 1000 рублей. Дальнейшими исследованиями в 1895 г. был открыт ряд погребений, в том числе и склеп Алкима и Филопатры, к которому, по всей вероятности, и принадлежал лев.

В 1895 г. был найден склеп, вошедший в историю под названием «склеп Деметры» (I в. до н.э. – I в. н.э.). В центре цилиндрического свода в круглом медальоне в технике фрески помещено изображение бюста Деметры (рис. 2). Вся остальная поверхность была покрыта растительным орнаментом. На южной стороне склепа помещена сцена похищения Керы Плутоном, по обеим сторонам от входа – Гермес и Калипсо.

В 1898 г. К.Е. Думберг обнаружил термы римского времени, где были найдены глиняные горшки, вставленные дномьями один в другой, несколько бассейнов, комната с лежанками, топчанная с очагом, водопровод из свинцовых труб⁶⁴. Из случайных находок 1900 г. следует отметить каменный саркофаг I в. н.э., украшенный внутри целым рядом бытовых и религиозных сцен: мастерская художника, музыканты, танец пигмеев, захоронная трапеза и пр. 7 марта 1900 г. музей переехал на Мещанскую улицу, в дом, принадлежавший Гофману и Гольдзимбергу. Новый директор В.В. Шкорпил⁶⁵ (с 1901 по 1918 г.) сконцентрировал внимание на изучении некрополей, поэтому витрины музея пополнились находками из некрополей Боспора.

Разобравшись в огромном материале, добытом в Керчи и на Тамани, М.И. Ростовцев подвел итоги столетней работы археологов на Боспоре и дал исчерпывающую картину греко-парварской культуры Боспорского царства⁶⁶. Свод греческих рельефов, основу которых составили керченские находки, был издан в Берлине⁶⁷, это до сих пор единственный и наиболее полный каталог керченских надгробий. К этому же периоду относится очерк истории Керчи и обзор литературы, связанный с эпиграфическими памятниками, подготовленный Н.И. Новосадским⁶⁸.

В 1904 г. на ул. Госпитальной во дворе дома № 38 «счастливчики» обнаружили склеп с золотыми и серебряными вещами, которые купил доктор Терлецкий, но музей забрал эти вещи и переправил их в Эрмитаж. И.А. Терлецкий и директор музея В.В. Шкорпил стали подвергаться угрозам со стороны перекупщиков и грабителей, не получивших должного вознаграждения. В.В. Шкорпил обратился к градоначальнику М.Д. Клокачеву по поводу ограбления катакомб на Госпитальной улице. Угроза жизни В.В. Шкорпилу оказалась не пустой – 27 декабря 1918 года В.В. Шкорпил погиб от руки грабителя-убийцы, который так и не был найден полицией.

В 1909 г. на берегу моря в Эльтигене был обнаружен мраморный блок с надписью – греческой эпиграммой в честь некоей Гликарии, поставившей в Нимфее фонтан вблизи некрополя. Проф. М.И. Ростовцев сделал для великого князя Константина Константиновича перевод, по которому тот написал поэтический вариант эпиграммы. При рытье котлованов на Предтеченской площади в 1911 г. было найдено несколько плит с рельефными украшениями и три обломка с надписями, а на территории рыбного базара обнаружена огромная мраморная стела с двумя рельефами. Раскопки этого периода дали обильный научный материал, особенно в области эпиграфики и изучения живописи. В организационном плане была намечена проблема осуществления раскопок городищ, весьма много было сделано и для охраны памятников старины, но воспрепятствовать жилищному строительству на территории горы Митридат не удалось, и с 1880-х годов она стала стихийно застраиваться.

2 февраля 1919 г. директором музея был назначен табачный фабрикант П.К. Месаксуди, но весной того же года вместе со своей коллекцией древностей он эмигрировал за границу. В советское время музей был причислен к Наркомату просвещения РСФСР, и в 1922 г. ему было передано одно из лучших зданий в городе – частный особняк П.К. Месаксуди в стиле модерн, где он и находится в настоящее время. В том же году музей Мелек-Чесменского кургана объединился с Керченским музеем древностей. Новый его директор – проф. К.Э. Гриневич⁶⁹ продолжил раскопки и охрану памятников с привлечением общественности. В декабре

⁶⁴ ОАК. 1898. С. 13.

⁶⁵ Владислав Вячеславович Шкорпил родился в 1853 г. в Чехии, в г. Высоке Мыто. По окончании Русской классической семинарии в России преподавал древние языки, с 1886 г. – в Керченской гимназии. Интересовался памятниками Боспора, во время отпусков К. Думберга исполнял обязанности директора музея, с 1894 по 1902 г. заведовал музеем Мелек-Чесменского кургана, с 1901 г. – директор Керченского музея древностей.

⁶⁶ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

⁶⁷ Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabsreliefs aus Südrussland B., 1909.

⁶⁸ Новосадский Н.И. Греческая эпиграфика. Ч. 1. М., 1909. С. 138.

⁶⁹ Константин Эдуардович Гриневич родился в 1891 г. в Вологде, а образование получил в Харькове. С 1915 г. участвует в археологических раскопках в Ольвии, кургана Большая Близница на Тамани и памятников Керченского полуострова, с 1918 г. приват-доцент Петроградского университета. Из-за гражданской войны не смог вернуться в Петроград и стал приват-доцентом Харьковского университета, а затем получил приглашение на должность директора Керченского музея (с 1919 по 1921 г.). В 1933 г. был репрессирован и выслан в Новосибирск, а в 1935 г. арестован и сослан в Карагандинскую область. См. Константин Эдуардович Гриневич – профессор Харьковского университета. Библиографический указатель. Харьков, 1991; Кадеев В.И., Литышева В.А., Мецлерков В.Ф., Сергеев И.П. Древняя история и античная археология в Харьковском университете // ВХУ. 1991. 357. Вып. 24. С. 50–69; Кадеев В.И. К 75-летию К.Э. Гриневича // СА. 1967. № 4. С. 187–189.

1920 г. церковь Усекновения головы Иоанна Предтечи, как и остальные исторические памятники города, была передана музею. В 1920 г. К.Э. Гриневиц провел большие раскопки некрополя Пантикалея. Они проводились не по инициативе музея, а по следам расширенных гробниц «счастливицков». К.Э. Гриневиц даже выпустил воззвание к кладоискателям, в котором им разрешалось разрывать все, но при условии предварительного осведомления об этом директора и только под его наблюдением и руководством. Первое право на покупку вещей принадлежало музею. Самочинных кладоискателей обещали беспощадно преследовать. Один из таких кладоискателей, Т. Савченко, проживавший в дер. Коп-Тахиль, прекратил свою деятельность и оказывал музею большую помощь в охране и изучении археологических памятников. В 1921 г. музей подвергся вооруженному ограблению и лишился золотых ценностей, но вскоре угрозыск напал на след грабителей и наиболее ценные вещи были возвращены.

С 1921 по 1939 г. музеем руководил Ю.Ю. Марти⁷⁰. Под его руководством впервые были предприняты раскопки так называемых «малых боспорских городов» (Китея – в 1927–1928 гг., Тиритаки – с 1932 г., Мирмекия – с 1934 г., Нимфея – с 1933 г.), вслед за которыми развернулись успешные археологические исследования на Керченском и Таманском полуострове. Именно в это время проявляется первый интерес к сельской территории Боспора.

В 1925 г. на гребне Асандрова вала при добыче камня крестьяне села Марфовка в гробнице под насыпью небольшого кургана обнаружили богатое захоронение кочевника VII в. н.э., которое доследовал Ю.Ю. Марти. В гробнице из каменных плит найдена золотая диадема со вставками, стеклянный стакан, золотая пряжка, фрагмент бронзового зеркала и множество других находок из драгоценных металлов. К сожалению, эта интереснейшая находка, получившая название «марфовского клада», утеряна в годы Второй мировой войны. Продолжая работу К.Е. Думберга, Ю.Ю. Марти впервые разбивает всю местность горы Митридат на квадраты 10 × 10 сажен с целью нанести на план разнохарактерные объекты для восстановления общей планировки древнего Пантикалея. В музее открываются новые – художественный и краеведческий – отделы, издан путеводитель⁷¹.

В 1922 г. фонды музея пополнились чернолаковой и краснофигурной керамикой из коллекции керченских собирателей древностей А.В. Новикова (рис. 3) и находками из Тиритаки А.В. Олявы. Через КрымЦИК в 1926 г. было возбуждено ходатайство о возвращении в Керчь некоторых материалов из Одесского музея, найденных на Боспоре.

С 1923 г. возобновляется научно-исследовательская работа музея. Не имея никаких средств, музей приступил к обследованию двух склепов по Госпитальной улице. За работу с рабочими музей расплачивался мукой, отпущенной продкомом по предложению исполкома. В 1924 г. К.Э. Гриневиц проводил исследования Тиритацкого вала, в 1929 г. у юго-западного угла Старого кладбища была обнаружена большая круглая в плане гончарная печь IV в. н.э., внутренний диаметр которой равнялся 4,65 м. В центре печи стоял центральный столб, поддерживавший пол обжигательной камеры.

В 1926 г. состоялась научная конференция археологов СССР, посвященная 100-летию музея, в которой приняли участие 135 ученых из 30 городов – все видные ученые того времени⁷². По итогам конференции была принята резолюция, где предусматривалась скорейшая разработка единого плана археологического обследования памятников Крыма. В ее основу была положена установка на систематическое выявление всех культур, а не разрешение отдельных проблем, а также составление археологической карты Крыма и свода могильников. В 1926 г. в здании старого музея (см. рис. 1) была устроена выставка рисунков с предметов, найденных в Керчи с 1826 г. Сводка результатов исследований XIX – начала XX в. представлена в брошюре Ю.Ю. Марти⁷³, но с этого времени центр исследований начинает перемещаться из Керчи в столичные города.

⁷⁰ Юлий Юльевич Марти родился в 1874 г. в Гродно. Изучая филологию в Петербурге, он часто посещал Эрмитаж, где впервые познакомился с керченскими древностями. После окончания института в 1897 г. в течение 23 лет работал преподавателем древних языков в Керченской мужской гимназии, сотрудничал с директором музея В.В. Шкорпилом. Состоя членом Одесского общества истории и древностей, в 1904 г. был избран на должность заведующего музеем Мелек-Чесменского кургана, а с 21 марта 1921 г. – директора музея. С 1939 г. – заместитель директора по науке. В 1946–1947 гг. работал заведующим античным отделом Херсонесского музея в г. Севастополе. С 1948 г. – главный хранитель Керченского музея.

⁷¹ Марти Ю.Ю. Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею им. А.С. Пушкина. Крым, 1924; 2-е изд. – 1937.

⁷² Бюллетень конференции археологов СССР в Керчи. № 1–6. Керчь, 1926.

⁷³ Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.

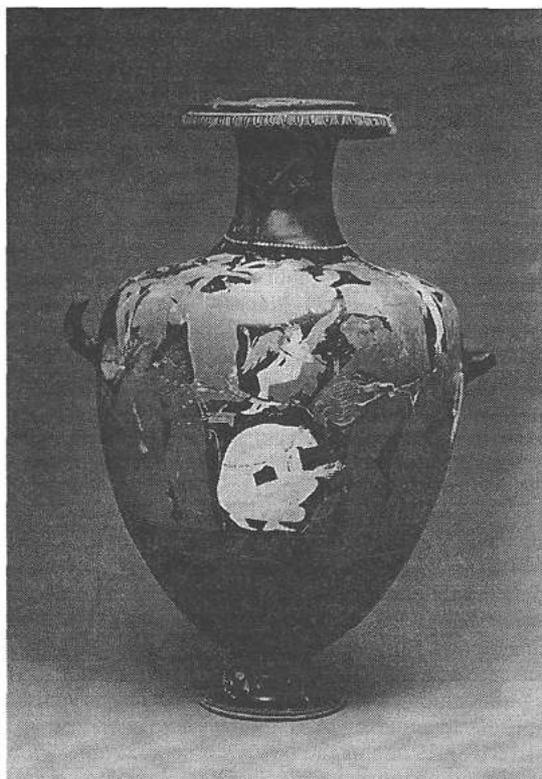

Рис. 3. Гидрия со сценой Гиникие

В рамках подготовки археологической кампании 1933 г. В.Д. Блаватским, Б.Н. Граковым и М.М. Кобылиной на основании данных из архивов Керченского музея, ИИМК и Эрмитажа была составлена летопись раскопок городища и некрополя Пантикапея⁷⁴. Усилиями Ю.Ю. Марти в 1933 г. на горе Митридат был учрежден заповедник площадью 16,2 га, заповедными стали по закону многие античные городища Керченского полуострова, в том числе Мирмекий, Китей, Киммерик.

В 1939–1941 гг. директором музея был Николай Иванович Войнилович, который после призыва в армию вновь передал дела Ю.Ю. Марти. Начало Второй мировой войны застало коллектив музея в разгаре научной и поисковой работы. В Крыму было объявлено военное положение, но на горе Митридат экспедиция Ю.Ю. Марти продолжала раскопки, давшие интересные находки: в земляной катакомбе Н.П. Кивокурцев нашел мраморные часы римского времени, судьба которых неизвестна⁷⁵. 25 сентября 1941 г. в Армавир были эвакуированы самые драгоценные вещи и архив музея, где они, к сожалению, погибли. Музей лишился 1156 ценных экспонатов и 157 архивных дел. Из 19 пропавших при переезде ящиков пропажа чемодана под номером 15, где находились находки из золота и серебра, до сих пор будоражит умы кладоискателей⁷⁶. Согласно описи, там находились 43 золотые монеты, золотые и электронные браслеты, серьги, бусы, бляшки, кольца, пряжки древнегреческого и византийского времени, коллекция монет русских царей, монеты из Тиритакского клада, в том числе вещи из Куль-Обы, небольшая мраморная скульптура и рельеф с изображением силена. Но самой большой утратой стала потеря архива музея, в котором находились материалы исследований

⁷⁴ Опубликована только летопись исследования Пантикапейского городища.

⁷⁵ Боровкова В.Н. Из истории археологических коллекций Керченского музея (1941–1945 гг.) // Крымский музей, 1995–1996 гг. Симферополь, 1996. С. 154.

⁷⁶ Кончин Е. Тайна «золотого чемодана». Симферополь, 1989.

с 1832 по 1940 г., рукописные книги на пергаменте⁷⁷. Вещи были спрятаны в Армавире, но здание, где они хранились, погибло в пожаре. Чемодан с драгоценными находками попал в партизанский лагерь. Когда зимой 1942 г. немцы окружили этот лагерь, командир приказал закопать чемодан и штабные документы. После войны один из участников партизанского отряда перевез чемодан в Харьков, но вскоре его осудили за продажу золотых монет, и следы коллекции затерялись.

Во время боев 13–15 ноября 1941 г. снаряд попал в фасад здания музея, в результате сильно пострадали верхние его этажи. Были утеряны несколько больших икон, старинное резное кресло из цельного куска дерева, золотая серьга с львиной головой, нагрудное женское серебряное украшение, позолоченное украшение конской узды... После освобождения города в здании музея разместилась военная прокуратура, и, к сожалению, были разбиты некоторые древнегреческие сосуды с расписной керамикой.

Во время оккупации немцы так описали древности музея: «В музее хранится 5514 предметов (глиняная и стеклянная посуда различных эпох и стилей, различные металлические изделия, терракотовые статуэтки и др.), каменных и надгробных стел 602 экземпляра, архитектурных и скульптурных изделий до 100 экз., около трех тысяч медных и бронзовых монет. В библиотеке имеется 6300 книг по следующим отделам: археологии, истории, иностранной литературы (немецкой, французской, английской, чешской), научных советских изданий, словарей и периодических изданий...»⁷⁸.

В период оккупации директором был А.А. Шевелев, и работа продолжалась: охранялись от разрушения памятники, реставрировались фондовые коллекции. 15 мая 1942 г. во время боя на Глинище немецкий солдат, предполагая наличие в склепе Деметры красноармейцев, бросил туда гранату, взрыв которой повредил часть фрески. Для осмотра и сохранения фресок склепа в октябре того же года из Германии был откомандирован реставратор проф. Клейн, который наложил укрепительные бандажы на поврежденных местах. Приведен был в порядок и Царский курган, постройки которого разрушились во время военных действий. По инициативе директора из разоренного Таманского музея был перевезен мраморный саркофаг, обнаруженный в кургане на Лысой горе, близ Тамани. Весом почти в 5 тонн, он был изготовлен в Греции в виде храма с двухскатной крышей. Его установили в склепе Мелек-Чесменского кургана, но при отступлении немцев он был разбит на мелкие куски. В настоящее время он отреставрирован и хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Экскурсии в музей приводили порой к потере части экспозиции. Во время посещения музея немецкими солдатами был украден бронзовый готский крест в виде свастики, а после экскурсии группы румынских военнослужащих исчезли три ценные боспорские монеты, о чем директор музея вынужден был информировать оккупационные власти в Симферополе. Немцы вывезли 45 ящиков с музейными предметами, которые в 1948 г. были возвращены в сильно поврежденном виде.

В результате оккупации Керчи музей полностью лишился коллекции чернолаковой и расписной керамики, деревянных резных саркофагов, изделий из серебра и золота, а также значительной части коллекции терракот, стеклянных сосудов, монет и некоторых мраморных скульптур. Сохранившиеся коллекции были в состоянии полного хаоса, сильно пострадала библиотека, почти полностью погиб архив⁷⁹. Старое здание музея на горе Митридат, все створочки на памятниках были разрушены. Постепенно восстановила свой фонд библиотека, так как многие книги были присланы из других библиотек и музеев. В 1946 г. из гор. Иванова были переданы античные вещи из коллекции купца Д.Г. Бурылина⁸⁰, основу которой составляли находки из Керчи. Прерванные войной исследования Пантикапея возобновились в 1945 г., встала задача создать заповедник на горе Митридат, однако в то время она так и не была реализована. В конце 1940-х – начале 1950-х годов проводились раскопки в районе горы Опук, в центре Керченского полуострова вел разведки отряд В.Д. Блаватского. Систематические раскопки хоры Боспора начались в 1953 г. Восточнокрымской экспедицией под руководством И.Т. Кругликовой, итогом которых стала ее монография «Сельское хозяйство Боспора»⁸¹. Подавляющее большинство памятников, вошедших в каталог И.Т. Кругликовой, было открыто керченским общественным инспектором охраны памятников В.В. Веселовым.

В конце февраля 1957 г. на пересечении улиц В. Дубинина и К. Маркса была найдена небольшая мраморная плита с надписью, в которой говорится, что во время царствования

⁷⁷ Иванова А. Керченский музей древностей // ВДИ. 1948. № 1. С. 185–187.

⁷⁸ Материалы о деятельности музея за 1941–1943 гг. // Архив КГИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. 1053. Л. 71.

⁷⁹ Иванова. Ук. соч. С. 185–187.

⁸⁰ Там же. С. 187.

⁸¹ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

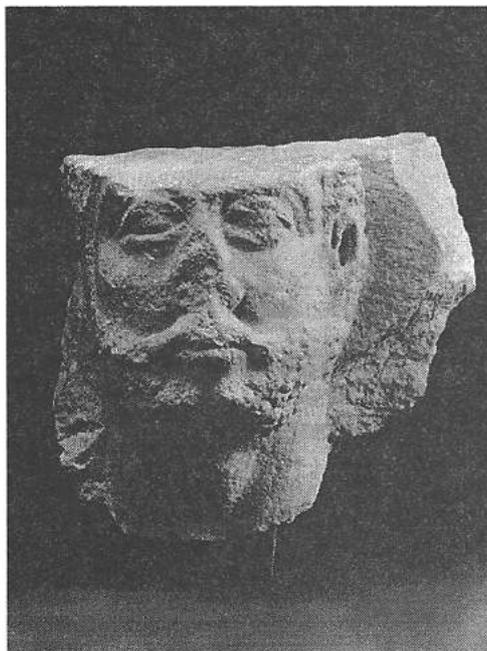

Рис. 4. Портрет боспорянина. II в. н.э.

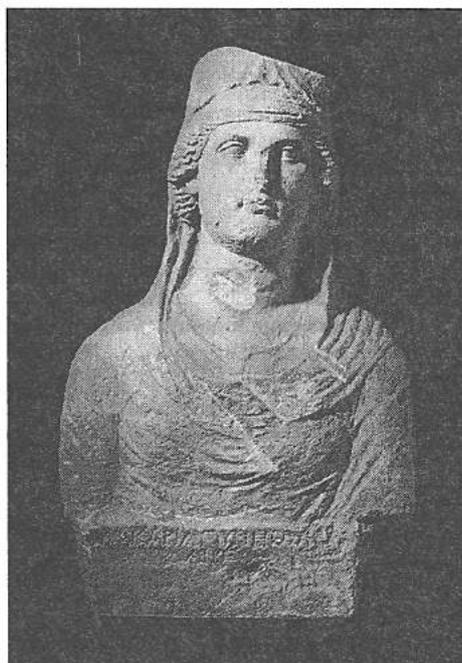

Рис. 5. Скульптура Макарии. Известняк

Динамии Мирон, сын Мирона, и его жена Кириена воздвигли памятник богине Афродите. Надпись была вставлена в постамент из массивных блоков ракушечника, который был покрыт штукатуркой, испещренной граффити⁸². Открытие святилища Афродиты Апатуры подтверждает популярность этого культа не только на азиатском, но и на европейском Боспоре.

С 1960-х годов деятельность сотрудников музея была посвящена в основном истории советского периода и созданию экспозиции о Второй мировой войне. Результатом стало открытие двух отделов, а по сути самостоятельных музеев – истории обороны Аджимушкайских каменоломен и Эльтигенского десанта.

С 1945 г. систематические раскопки Пантикапея проводились под руководством В.Д. Блаватского, а в 1959–1976 годах руководство раскопками осуществляла И.Д. Марченко. К серьезным достижениям этого периода следует отнести открытие остатков более двух десятков жилых и хозяйственных построек конца VI – первой половины V в. до н.э. на Новом Эспландадном раскопе.

С именем другого видного археолога, В.Ф. Гайдукевича, связана деятельность Боспорской экспедиции Института истории материальной культуры (г. Ленинград). С 1947 г. исследовался Илурат – боспорский город-крепость I–III вв. н.э., а с 1952 г. – Порфмий. В 1957 г. совместная Советско-польская Боспорская экспедиция провела археологические разведки на городище Китей⁸³, результаты этих исследований были суммированы в монументальном труде В.Ф. Гайдукевича⁸⁴.

В 1956–1958 годах на городище Мирмекий проводились совместные советско-польские археологические исследования под руководством В.Ф. Гайдукевича и К. Михайловского, материалы которых были опубликованы⁸⁵. О раскопках в Керчи написал воспоминания К. Михайловский⁸⁶.

⁸² Чуистова Л. Раскопки загадочного сооружения // Керченский рабочий. 12 марта 1957.

⁸³ Белова Н.С. Археологические разведки в Китее // КСИА. 1961. 83. С. 83–90.

⁸⁴ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. 2-е изд.: *Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich*. В., 1971.

⁸⁵ Гайдукевич В.Ф. Мирмекий: Советские раскопки в 1956 г. Варшава, 1959; *Michailowski K. Mirmeiki*. Warszawa, 1957; Гайдукевич В.Ф., Михайловский К. Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956–1958 гг. // Исследования по археологии. Л., 1961.

⁸⁶ *Michailowski K. Wspominania*. Warszawa, 1986.

Рис. 6. Змееногая богиня. Известняк. Реконструкция

В конце 1950-х – начале 1960-х годов сотрудники музея провели широкомасштабные разведки по всему Восточному Крыму, включая и район Феодосии. В 1966–1988 гг. в церкви Иоанна Предтечи размещалась самая большая в Причерноморье коллекция лапидарных памятников, но в 1993 г. здание было передано Церкви. В 1952 и 1962 гг. вышло два сборника статей, подготовленных сотрудниками музея: «Археология и история Боспора» (т. 1. Симферополь, 1952; т. 2 – 1962). Материалы, опубликованные в этих сборниках, и по сей день не утратили своей актуальности, и к ним обращаются археологи. Третий том был опубликован в Керчи в 1999 г. В 1965 г. экспедиция Керченского музея под руководством Д.С. Кирилина проводила раскопки курганной группы «Ыч-Оба» (Три брата) близ Тобечикского озера, где сохранился неразграбленным уступчатый склеп с двумя богатыми скифскими погребениями и стелой с прекрасным рельефом⁸⁷. В том же году Институтом археологии АН СССР (Ленинградское отделение) был подготовлен «Корпус боспорских надписей» – самое полное издание «каменной летописи Боспора» (1326 эпиграфических текстов), в два раза превысившее эпиграфические сборники IOSPE II и IV В.В. Латышева. К сожалению, альбом иллюстраций не был опубликован. В настоящее время стало актуальным издание исправлений и дополнений к корпусу с альбомом иллюстраций.

⁸⁷ Кирилин Д.С. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.

Рис. 7. Терракотовые фигурки женщин с тимпанами

В 1982 г. на городище Нимфей экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Н.Л. Грач сделано открытие мирового значения – обнаружены остатки храмового комплекса с множеством фрагментов полихромной штукатурки с многочисленными надписями и рисунками, среди которых изображение египетского корабля «Изида». Экспедицией ГМИИ под руководством В.П. Толстикова на акрополе Пантикапея открыто большое здание, которое автор раскопок связывает с дворцом боспорских царей Спартокидов. С начала 1950-х годов велись планомерные исследования сельских поселений, проблемы их истории и типологии, организации сельской территории, этнического состава и культуры ее населения нашли отражение в работах А.А. Масленникова⁸⁸.

В 1988 г. с приходом на пост директора музея Э.В. Яковенко Керченский музей древностей был преобразован в историко-культурный заповедник. Закон 1993 г., запрещающий вывоз находок за пределы Крыма, значительно увеличил поступления в фонды музея – только в 1993–2000 гг. на учет было поставлено более 17 000 музейных предметов. С 1992 по 1997 г. Керченский заповедник совместно с Эрмитажем и польским Институтом археологии и этнологии осуществлял исследования по проекту «Нимфей»⁸⁹, целью которого было комплексное изучение городища, некрополя и хоры Нимфея. В настоящее время в заповедник входят Царский и Мелек-Чесменский курганы, городища Порфмий, Нимфей, Мирмекий, Пантикапей, Тиритака, «загородная усадьба», памятники Второй мировой войны – Аджимушкайские камено-

⁸⁸ Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998.

⁸⁹ Scholl T., Zinko V. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Bibliotheca Antiqua. XXIII. Warsaw, 1999.

Рис. 8. Здание «пританей». Пантикапей

ломни и музей Эльтигенского десанта, а также Картинная галерея (более 2 тыс. экспонатов). В музее более 166 000 единиц хранения, причем свыше половины – археологические материалы. Материалы в фондах хранятся по категориям: коллекция расписной керамики 540 предметов (5 асков, 1 гидрия, фрагмент гутуса, гидриск, 2 килика, 2 леканы, 112 лекифов, 4 ойнохой, оксибаф, 2 рыбных блюда, скифос, 53 пелики и множество фрагментов керамики⁹⁰ (рис. 3). Среди хранящихся в музее памятников – реалистический портрет неизвестного боспорянина, датируемый II в. н.э. (рис. 4), известняковая антропоморфная стела Макарии с надписью (рис. 5), скульптура змееногой богини – по-видимому, украшение храма или часть декора склепа (рис. 6), богатая коллекция терракот, в частности фигуры двух женщин с тимпанами (рис. 7); среди памятников архитектуры выделяется частично отреставрированный «пританей» (рис. 8) на склоне горы Митридат – акрополе Пантикапея. Уникальной находкой можно считать солнечные часы из раскопок Китея (рис. 9). В музее имеются многочисленные фотографии – 4664, негативы – около 24 тыс., причем часть на стекле. Коллекция керамической эпитафии одна из самых больших и насчитывает более 20 тыс. экземпляров, в музее хранится более 1000 целых амфор. В этой коллекции преобладают синопские клейма, а собрание фасосских клейм вообще наибольшее в мире. В фондах хранится 1853 античных светильника, 46 каменных топоров, 789 рельефных (мегарских) чаш. Нумизматическая коллекция с довоенного времени практически депортирована, основная масса монет происходит из раскопок последних лет. Среди уникальных – серебряные монеты ранней чеканки Пантикапея, электровый кизикин V в. до н.э. и золотой статер Митридата Евпатора, около десятка кладов. Лапидарная коллекция также одна из самых многочисленных – более 2060 предметов, из которых основная часть – погребальные стелы. В лапидарии хранятся круглая скульптура, антропоморфные стелы, христианские, иудейские и мусульманские памятники, посвятельные надписи, проксении, списки имен, архитектурные детали.

Библиотека музея на начальном этапе формировалась за счет собраний директоров музея: К.Е. Думберга, Ф.И. Гросса, В.В. Шкорпила, Ю.Ю. Марти. Общий фонд насчитывает 29 053 печатных издания, в том числе 227 книг с автографами, 5743 издания XIX в., включая 2144 зарубежных.

⁹⁰ Боровкова В.Н. Керченское собрание краснофигурных пелик IV в. до н.э. // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994. С. 73–82.

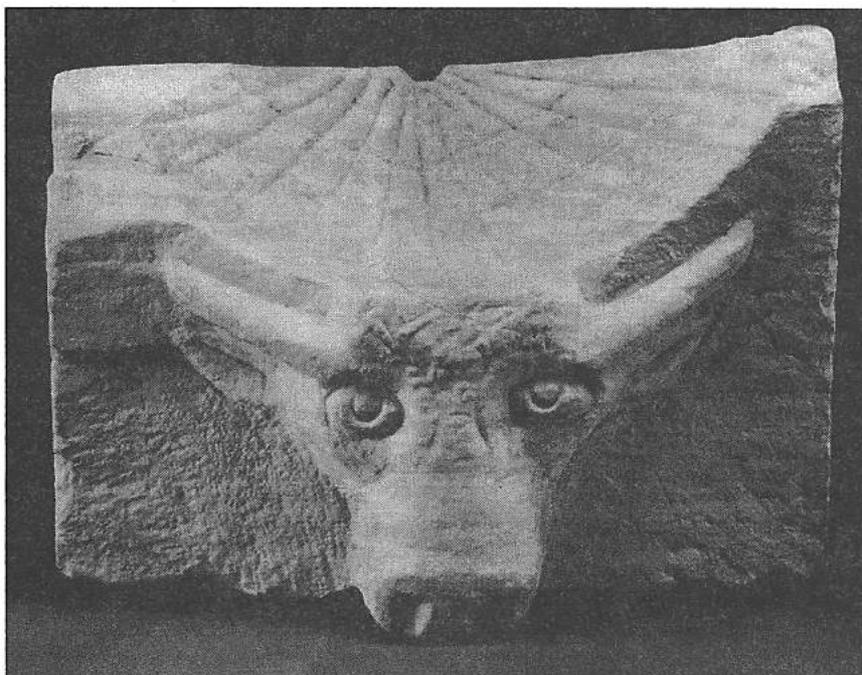

Рис. 9. Солнечные часы из Китея. Мрамор

Архив музея практически весь погиб в период Великой Отечественной войны и сегодня насчитывает 18 806 документов и материалов. От довоенного периода осталась лишь небольшая часть документов или их копии. Основную часть архива составляют отчеты археологов, работавших на Керченском полуострове.

Коллекция античных светильников насчитывает 1763 экземпляра, часть из которых депортирована. Особый интерес представляют светильники с рельефными щитками с изображениями животных, птиц, жанровых сцен, гладиаторов, актеров⁹¹. Коллекция «гипсовых прилепов» – украшений саркофага (изображения божеств, животных, птиц, театральных масок) одна из самых многочисленных – 1307 экземпляров, и это помимо коллекций «Старого музея» в Берлине, Лувре и Эрмитаже.

Немалый вклад в изучение археологических памятников Керчи внесли и сотрудники музея: С.С. Бессонова, В.Н. Зинько, Н.П. Кивокурцев, А.Е. Кислый, В.Э. Кунин, Н.З. Кунина, Л.Г. Мацкевой, Е.А. Молев, Н.В. Молева, М.М. Никитенко, С.А. Семенов, В.Н. Холодков, В.И. Цехмистренко, О.Д. Чевелев, С.А. Шестаков, Э.В. Яковенко.

Н.Ф. Федосеев

THE KERCH MUSEUM OF ANTIQUITIES

N.F. Fedoseev

The article is devoted to the history of the Kerch Museum of Antiquities in the Crimea (Ukraine), one of the oldest and outstanding museums in the former Russian Empire and the USSR. The author publishes several documents, concerning the creation of its archaeological collection, describes in details archaeological excavations in and around Kerch, gives their results, important for the history of the Kingdom of Bosphorus. The article tells a lot of information, based chiefly upon the archive documents, about the organization of the museum and first excavating campaigns, museum directors' activity throughout XIX–XX centuries, their contacts with the officials in Saint-Petersburg and Moscow, outlines the achievements of classical archaeology on the territory of ancient Bosphorus, the fate of the museum's archaeological collections after the revolution of 1917 and during the Second World War.

⁹¹ Желтикова А.Л. Коллекция античных светильников из фондов Керченского государственного историко-культурного заповедника // Пантикапей – Боспор – Керчь. 26 веков древней столице. Материалы междунар. конф. Керчь, 2000. С. 39–45.